

Министерство общего и профессионального
образования Российской Федерации
Новосибирский государственный педагогический
университет

Ю. В. Фоменко

**Трудные и спорные вопросы синтаксиса
современного русского языка**

Учебное пособие
для студентов-филологов

Новосибирск
1997

Печатается по решению
редакционно-издательского совета

ББК 81

УДК 415.6

Авт. зн. Ф 761

Автор – д-р филол. наук проф. Ю. В. Фоменко.

Трудные и спорные вопросы синтаксиса современного русского языка:
Учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997. – 108 с.

ISBN 5-85921-093-0

В настоящем пособии подробно анализируются трудные и спорные вопросы синтаксиса современного русского языка: об объекте синтаксиса, о природе предложения и словосочетания, о валентности, о синтаксически неразложимых словосочетаниях, о "семантическом синтаксисе", о характере связи сказуемого с подлежащим, о т. н. "детерминантах", о примыкании и неполноте предложения.

Пособие адресуется студентам-филологам, учителям-словесникам, аспирантам, вузовским преподавателям, научным работникам.

Научный редактор – канд. филол. наук З. А. Леденева.

Рецензенты: кафедра древних языков Новосибирского государственного университета; кафедра общего и исторического языкознания Новосибирского государственного педагогического университета.

ISBN 5-82921-096-0

Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета,
1997

Введение

Положение в современной русистике трудно признать благополучным. Все более распространяется "мода" отказываться от традиционных представлений, выворачивать их наизнанку: приписывают значение фонеме, "аннулируют" многозначность, объявляют свободное словосочетание единицей языка, высказывание – знаком, выполняющим номинативную функцию, разрывают синтаксис на формальный и "семантический", предлагают отказаться от разграничения лексических и грамматических значений, "убирают" из синтаксиса второстепенные члены (одновременно заявляя, что часть второстепенных членов относится "ко всему предложению в целом"), уверяют, что лексические значения порождаются контекстом, и т.д.

Синтаксис русского языка – область русистики, в которой мы имеем дело, пожалуй, с самым большим числом разнообразных гипотез и спорных построений. Тенденция выдвигать гипотезы, не заботясь об их обосновании, отрицательно сказывается на практике преподавания и изучения синтаксиса в вузе и школе.

Настоящее учебное пособие и призвано помочь читателю разобраться в пестром разнообразии современных синтаксических концепций, показать ему движение познающей мысли.

Об объекте синтаксиса

Каждый раздел языкознания имеет свой объект исследования. Объект фонетики – звуки, объект лексикологии – слово со стороны его лексического значения и места в системе словаря, объект морфологии – слово со стороны его грамматических значений и грамматических форм. Свой объект есть и у синтаксиса. "Синтаксис изучает предложения, их грамматические свойства, структуру и типы" (Гвоздев, 1958, с. 100). "Минимальной единицей связной речи, то есть минимальной единицей общения и языкового оформления мысли, является предложение. Оно и составляет основную синтаксическую единицу и соответственно основной объект изучения в синтаксисе" (Скобликова, 1979, с. 3). Можно было бы сказать, что синтаксис (от греч. *syntaxis* = "сочетание, построение") изучает правила соединения слов в предложении (см.: Смирницкий, 1957, с. 41)

Что такое предложение?

Элементарная форма мышления (точнее – сознания) – понятие (об-

общенная мысль о целом классе однородных предметов). Оно находит свое выражение в слове (и фразеологизме – сращении и единстве). Основная форма мышления – суждение (законченная мысль). Суждение находит свое выражение в предложении. Именно предложение является средством формирования и сообщения мысли. В предложении реализуется основная функция языка – коммуникативная (функция сообщения).

Термин предложение употребляется, однако, в двух значениях: 1) "структурная схема, модель, формула минимального речевого сообщения" и 2) "речевая реализация этой формулы, конкретное сообщение" (см., напр.; Арутюнова, 1972, с.326). Ср.: 1) П (подлежащее) + Ск (сказуемое) – 2) Солнце взошло. Двусмысленность термина предложение нередко приводит к недоразумениям. Чтобы их избежать, исследователи все чаще используют, кроме термина предложение, парный термин высказывание (или фраза). Абстрактную схему, по которой строится сообщение, называют предложением (конструкцией), а конкретное сообщение – высказыванием (фразой).

На всех уровнях языка имеют место эмические (абстрактные, языковые) и этические (конкретные, речевые) единицы; фонема и фон (аллофон, звук), морфема и морф, лексема и лекс. Аналогичная пара на уровне синтаксиса – предложение и высказывание (фраза).

Предложение и высказывание нужно четко и последовательно разграничивать. Предложение принадлежит языку, высказывание – речи. Предложение абстрактно, высказывание конкретно. Предложение – это инвариант (абстрактная единица языка, обладающая совокупностью основных признаков всех ее конкретных реализаций и тем объединяющая их), высказывание – его варианты (конкретные реализации). Высказывания (фразы) имеют конкретный смысл, формирующийся с помощью лексических значений слов, а предложения – абстрактные грамматические значения. Ср.: "Вратарь отбил мяч" и "Активный субъект произвел некоторое действие, переходящее на прямой объект".

Непосредственно наблюдаемыми объектами являются для синтаксиста конкретные высказывания, но, анализируя одноструктурные фразы, грамматист извлекает из них ту предложенческую формулу, по которой они построены. Например, анализируя высказывания Солнце взошло, Море шумит, Птицы поэт, Заводы дымят и другие подобные, синтаксист делает вывод, что в русском языке существует двусоставное предложение; анализируя высказывания Светает, Смеркается, Потеплело, Подморозило и другие подобные, синтаксист делает вывод, что в русском языке существует односоставное безличное предложение.

Высказывания строятся из слов (и фразеологических оборотов, эквивалентных словам). Естественно, что слово входит в высказывание лишь в одной из своих форм (словоформ) и в одном из своих значений. Высказывание не равно механической сумме слов, а смысл высказывания не равен механической сумме их лексических значений. Изолированные, не связанные друг с другом слова не выражают мысль. Чтобы выразить мысль, нужно соединить слова в предложение, в котором каждое из них займет определенную позицию, получит то или иное грамматическое значение. Из одного и того же набора слов можно построить большое число самых разных по смыслу высказываний. Возьмем, например, слова мой, любить, папа, мама. Из них можно построить, следующие высказывания: Мой папа любит маму; Моя мама любит папу; Папа любит мою маму; Мама любит моего папу; Папа, люби мою маму!; Мама, люби моего папу; и др.

Высказывание – это минимальное речевое произведение, отражающее весь язык, все его уровни: фонетический, лексический, фразеологический, морфологический, синтаксический и стилистический (а также орфографический и пунктуационный). Главное в высказывании (как в языке вообще и в коммуникации) – это лексика, а не грамматика. Высказывание прежде всего должно быть объектом лексикологии, лексической синтагматики (к изучению которой только-только приступают). Что же касается синтаксиса, то он изучает в высказываниях те обобщенные формулы, по которым высказывания строятся. Остальные аспекты высказываний к компетенции синтаксиса не относятся.

Понимание предложения как основного и единственного объекта синтаксиса является традиционным (см.: Виноградов, 1958, с. 92). Однако в последние годы некоторые грамматисты (например, Н. Ю. Шведова) начинают находить в синтаксисе все новые и новые единицы. К числу синтаксических единиц относят слово, форму слова, словосочетание, простое и сложное предложения (см.: РГ¹, с.8), сложное синтаксическое целое

¹ РГ – Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 2.

и даже текст. При этом принцип выделения синтаксических единиц и единиц языка вообще не формулируется. Но при таком подходе число синтаксических единиц (и единиц языка вообще) может продолжать возрастать бесконечно, что сделает синтаксическое описание языка неадекватным (см.: Фоменко, 1979; Фоменко, 1985; Фоменко, 1990₁; Фоменко, 1990₂).

Как можно подтвердить защищаемую здесь точку зрения?

Сложное предложение отличается от простого по "количеству", но не по "качеству", и поэтому оно не должно считаться особой единицей (см. Распопов, 1981, с.109).

Словосочетание – это не единица языка (синтаксиса), а комбинация единиц (полнозначных слов, точнее – членов предложения), извлеченная из предложения с целью изучения правил соединения слов (см.: Фоменко, 1976; Фоменко, 1975; Фоменко, 1979; Фоменко, 1990₂).

Формы слов – это не единицы синтаксиса, а строительный материал для синтаксической единицы – предложения (точнее – фразы).

Тем более не должно считаться особой единицей синтаксиса слово. Ведь слово всегда входит в предложение (фразу) не во всей совокупности своих форм, а в какой-либо одной форме. Иначе говоря, форма слова – это представитель слова в данном, конкретном высказывании.

Таким образом, мы видим, что "синтаксис целиком "вращается" вокруг предложения" (Распопов, 1981, с.15).

Вопросы для самопроверки

1. Что является единицей синтаксиса?
2. Почему не являются единицами синтаксиса словосочетание, форма слова и слово?

Можно ли считать предложение номинативным знаком языка?

Проблема знаковости языка не имеет пока однозначного решения. Какие языковые факты можно считать знаками? Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно договориться о едином понимании знака. Объединяющее всех (или большинство) исследователей определение знака мы найдем в "Философской энциклопедии": "Знак... – материальный чувственно воспринимаемый предмет (явление, событие, действие), выступающий в познании и общении людей в качестве представителя некоторого предмета или предметов, свойства или отношения предметов и используемый для приобретения, хранения, преобразования и передачи сообщений (информации, знаний) или компонентов сообщений какого-либо рода" (Фи-

лософская энциклопедия. – С. 177). В соответствии с этим определением знаком языка можно считать только слово (а также фразеологические сращения и единства): оно репрезентирует (представляет, замещает) предмет, именуется им, выражает понятие о нем, обладает признаком воспроизводимости и выступает в качестве строительного материала для минимального речевого произведения – предложения (высказывания). Фонемы и морфемы, не выполняющие репрезентативную функцию, не именуемые предметами и не выражающие понятия, не могут считаться знаками (единицами) языка. Их можно называть субзнаками, предзнаками, элементами, фигурами языка. Что же касается предложения (высказывания), то его следует квалифицировать как комбинацию знаков.

Однако с конца 50-х годов в нашей лингвистической литературе стало распространяться мнение, будто бы высказывание является номинативным знаком языка. Наиболее активно эту гипотезу пропагандируют В. Г. Гак и Н. Д. Арутюнова. Например, В. Г. Гак пишет: "... В семиотических системах следует различать два типа знака: полный знак, представляющий собой законченный продукт семиозиса (семиотического акта), непосредственно и однозначно указывающий на ситуацию, и частичный знак, составляющий элемент полного знака, хотя и имеющий отдельный референт" (Гак, 1967, с.15; см. также: Гак, 1973; Гак, 1977; Булыгина, 1967, с.7; Мельничук, 1967, с.42; Уфимцева, 1967, с.83; Вардуль, 1977, с. 10; Сусов, 1977, с. 102; Черемисина, 1981). "... Полный знак - высказывание, частичный знак – слово" (Гай, 1967, с.15).

Это утверждение вызывает несколько вопросов: почему слово, "имеющее отдельный референт" и несущее все признаки знака, В. Г. Гак называет не знаком, а "частичным знаком"?; почему "законченный продукт (! – Ю.Ф.) семиозиса (семиотического акта)" В. Г. Гак называет знаком ("полным знаком"), а не комбинацией знаков?; почему В. Г. Гак вообще не пользуется термином и понятием "комбинация знаков"?; почему основным референтом языкового знака В. Г. Гак предлагает считать комбинацию субстанций, а не субстанцию?

Вспомним еще раз, что термин предложение употребляется в двух значениях: 1) "структурная схема, модель, формула минимального речевого сообщения" и 2) "речевая реализация этой формулы, конкретное сообщение" и что структурную схему обычно называют предложением, а конкретное сообщение – высказыванием. Каков же лингвистический статус предложения и высказывания?

Предложение, обладая признаком воспроизводимости, не обладает таким важнейшим качеством языка и его единицы (знака), как субстанциональность (материальность). Предложение-модель не является конкретно материальным образованием, не имеет собственной языковой субстанции, собственной звуковой оболочки, плана выражения. Его нельзя ни произнести, ни услышать (см.: Шмелев, 1976, с. 147; Белецкий, 1981, с.90). С помощью предложенческих схем нельзя обеспечить общение. Из этого следует, что предложение (модель) не может считаться единицей (знаком) языка.

В отличие от предложения, высказывание обладает признаком субстанциональности, но не обладает признаком воспроизводимости, который, по словам А. И. Смирницкого, "является необходимым условием существования и функционирования языка как средства общения ..." (Смирницкий, 1956, с. 35), Высказывания не существуют в языке, не извлекаются из памяти как цельные, готовые образования, а возникают в речи, строятся говорящим с целью оформления и передачи той или иной конкретной мысли. Предложение, утверждал Ф. И. Буслаев, есть "самая краткая и простейшая форма речи" (Буслаев, 1844, с. 8). "... Конкретные предложения, – пишет А. И. Смирницкий, – являются как таковые, как целые вообще единицами речи, а не единицами языка, так как они представляют собой более или менее законченные и самостоятельные речевые произведения" (Смирницкий, 1954, с.18). "Предложения, – говорит Звегинцев, – это язык в действии и в то же время конечный резуль-

тат применения языка" (Солнцев, 1977, с. 212; см. еще: Маслов, 1967, с. 292-293; Ибраев, 1981, с. 83). Например, стихотворение М. Ю. Лермонтова "Когда волнуется желтеющая нива", состоящее из 4 строф и 16 строк, представляет собой одно (сложное) предложение. Но вряд ли кто-нибудь рискнет назвать это предложение единицей общенародного русского языка. "Все отдельные составные части предложения ... являются теми или другими единицами языка. Но организованная в данное конкретное предложение совокупность всех единиц языка, использованных в этом предложении, как целое, уже выходит за пределы языка и не является его единицей, хотя бы и особого, высшего порядка" (Смирницкий, 1954, с. 18). Например, слова дыхание и робкий принадлежат языку, а фраза Робкое дыхание – речи. "... Предложение, – замечает Э. Бенвенист, – содержит знаки, но само не является знаком" (Бенвенист, 1974, с. 139).

"Предикация, – пишет М. В. Панов, – такое сочетание двух номинативных единиц, которое обозначено как произведенное сейчас, в данном акте общения. ...Оно не взято готовым из предыдущего речевого опыта, а создано наново" (Панов, 1980, с. 131).

Даже если то или иное высказывание (вроде: Здравствуйте!; До свиданья!, Пока!) кажется нам простым повторением сказанного ранее, все равно, оно именно строится, а не воспроизводится. "Каждый речевой акт, – пишет В. Я. Мыркин, – отличается от любого другого речевого акта, если даже формально фразы совпадают по составу и порядку слов. Иначе говоря, человек в принципе никогда не повторяется, он создает каждый раз фразу (речь) заново вместе с актуальным смыслом фразы" (Мыркин, 1970, с. 28; см. также: Янкошвили, 1969, с. 99, и работы В. Гумбольдта, Н. Хомского, В. А. Звегинцева, А. Е. Супруна, Н. Д. Арутюновой, А. А. Уфимцевой, Е. С. Кубряковой, Н. И. Жинкина, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьева, И. А. Зимней, Л. О. Резникова, П. В. Копнина и др.).

Признак воспроизводимости, свойственный модели предложения, неред-

ко переносят на предложение в целом (фразу). Но это неверно. Нельзя подменять одно понятие другим. Когда говорят о воспроизводимости единицы языка, имеют в виду воссоздание единицы, взятой в целом, а не какой-либо ее стороны или аспекта. Единица воссоздается как величина целостная, глобальная. Когда мы воспроизводим слово (и фразеологизм), то мы воспроизводим не только его модель, но слово в целом, в единстве его содержания и формы. С этой точки зрения понятно, что фраза действительно не обладает признаком воспроизводимости.

Процесс коммуникации происходит не с помощью абстрактных моделей, а с помощью фраз. Между структурной схемой предложения и конкретной фразой, используемой в акте коммуникации, такое же огромное расстояние, как между замыслом архитектора и законченным зданием.

Знак языка в строгом смысле этого термина имеет постоянные субстанцию и объем. Фраза этими признаками не обладает. Ее лексический состав и объем в языке не запрограммированы. Минимумом фразы является слово, а максимум правилами языка не предусмотрен. Какую бы длинную фразу мы ни построили, всегда есть возможность построить другую, более длинную.

Специфика человеческого языка (в отличие от сигнальных систем животных) – наличие "двух основных актов языковой деятельности – селекции и комбинации" (Булыгина, 1967, с. 6; см. также: Общее языкознание. Внутренняя структура языка, с. 268; Матезиус, 1967, с. 228; Кубрякова, 1986, с. 140), отбора номинативных единиц (слов) и их сочетания в предложении, номинации и коммуникации. Из конечного (сравнительно небольшого) набора знаков можно образовать бесконечное число их комбинаций, из конечного набора языковых значений – бесконечное число речевых смыслов. Из двух актов – отбора номинативных единиц и их последующего соединения – состоит и порождение высказывания (см., напр.: Матезиус, 1967, с. 228; Кубрякова, 1984, с. 63). Высказывание строится из номинативных знаков, существовавших до порождения данного высказывания.

Высказывание и строится, и воспринимается не глобально, а поэлементно, пословно. "Восприятие конкретного текста, – пишут Ё. Ф.Тарасов и Н. В.Уфимцева, – начинается с опознания внешней формы отдельных слов, с которыми получатель текста связывает значения этих слов, хранящихся в его памяти" (Исследование речевого мышления в психолингвистике, 1985, с. 60; см. также: Лурия, 1979, с. 221; Торопцев, 1980., с. 8; Кубрякова, 1984, с. 70, 89 и др.; Комиссаров, 1985, с. 133 и др.). Если реципиент не владеет значениями слов, он не может понять смысл высказывания. Нередко реципиент осмысляет лишь часть словесных знаков, поскольку другие ему неизвестны.

"Процесс коммуникации, – пишет Г. В. Колшанский, – не есть аморфная длительность речепроизводства, а представляет собой в некотором роде пульсирующий канал связи, построенный по принципу передачи дискретных единиц информации" (Колшанский, 1975, с. 141). "Дискретность языковой информации объясняется прежде всего тем, что она построена на базе передачи отдельных смыслов, доступных для понимания партнеру по коммуникации" (Колшанский, 1975, с. 141).

"Бенвенист считает, пишет В. Г. Гак, – что предложение содержит знаки, но само знаком не является, так как не обладает виртуальным значением, не может быть потенциальным членом единицы более высокого уровня, не может быть поставлено в пропозициональную функцию. И, наконец, в отличие от других языковых элементов, предложения не могут быть пересчитаны, ибо число их бесконечно" (Гак, 1967, с. 15). Внимательный читатель ждет, что автор этих строк или согласится с Э. Бенвенистом, или последовательно опровергнет те аргументы, с помощью которых французский ученый доказывает, что предложение не является знаком. Как ни странно, В. Г. Гак избирает "третий" путь: он просто повторяет свой тезис о знаковости предложения, как бы забывая об аргументах Бенвениста и не приводя собственных контраргументов. Однако

ученый не может просто игнорировать указание на то, что число высказываний бесконечно и что одного этого факта вполне достаточно для того, чтобы отвергнуть мысль о знаковости предложения. Знаковая система, состоящая из бесконечно большого числа знаков, невозможна¹. Если конечно существование познающего субъекта, то конечным, поддающимся исчислению должно быть и число знаков, которыми он пользуется. "Человек, – пишет А. Н. Лебедев, – может быть занят запоминанием чего бы то ни было не более чем в течение одного миллиарда секунд предназначенной ему жизни. Следовательно, в памяти человека может разместиться не больше одного миллиарда квантов информации, эквивалентных тестовой строке" (Лебедев, 1986, с.95). По подсчетам А. Н. Лебедева, "число всех кодовых слов, способных разместиться в памяти человека, не превышает 0,4 миллиарда..." (Лебедев, 1986, с. 99). Невозможно усвоить, запомнить и использовать бесконечно большое (неограниченное) число знаков. Немногие способны усомниться в том, что огромные выразительные возможности языка связаны не с числом знаков, а с числом их возможных комбинаций. "... Язык неистощим в соединении слов", – говорил Пушкин.

"... Предложение (высказывание), – пишет В. Г. Гак, – следует, подобно слову, рассматривать как имя, как лингвистический знак особого типа..." (Гак, 1968, с. II). Одновременно В. Г. Гак признает, что "полный знак" конструируется" (Гак, 1967, с. 17), что "...полный знак может представлять собой комбинацию частичных знаков" (Гак, 1967, с. 17), что "всякий раз оно (высказывание. – Ю. Ф.) заново организуется ... и не закрепляется в языке" (Гак, 1973, с. 368). Но то, что не закреплено в языке и всякий раз заново организуется, является не

¹ "...Невозможно себе представить, чтобы каждой ситуации, которая может быть предметом сообщения, соответствовал бы особый нечленимый знак..." – пишет Т. В. Булыгина (Булыгина, 1967, с.7).

знаком, а свободной комбинацией знаков. Номинативные знаки хранятся в языке, а коммуникативные образования появляются в речи.

Если высказывание – знак, то оно не строится, а воспроизводится. Если же оно строится, то оно не знак, а свободная комбинация знаков (см.: Маслов, 1975, с. 30).

Слова (знаки) находятся в долговременной памяти человека, а высказывания (комбинации знаков) – в оперативной. Для того чтобы усвоить язык, человек должен запомнить и запоминает слова, а не фразы.

При произношении высказывания паузы всегда проходят между словами. Значит, говорящий понимает, что строит высказывание из слов.

Можно ли приписывать предложению (высказыванию) признак номинативности? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно четко сформулировать понятие номинативности. Выполнять номинативную функцию – значит обозначать предмет (класс однородных предметов) и выражать понятие о нем (см.: Солнцев, 1977, с. 256)¹ Это признает и В. Г. Гак (Гак, 1968, с. 7). Обозначать предмет и выражать понятие свойственно слову (и фразеологизму), но не высказыванию. Высказывание обозначает не предмет, а группу взаимодействующих предметов, выражает не понятие, а суждение, выполняет не номинативную, а коммуникативную функцию, представляет собой не знак, а комбинацию знаков.

Подавляющее большинство исследователей (Ф. де Соссюр, Э. Бенвенист, В. В. Виноградов, Л. О. Резников, П. В. Копнин, А. А. Уфимцева, Ю. С. Степанов, Н. И. Жинкин, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев, Н. А. Слюсарева, В. В. Мартынов и мн. др.) номинативной единицей языка считают слово. Не случайно номинацию постоянно синонимизируют с вербализацией (см.,

¹ "Язык возникает тогда, когда система сигналов преобразуется в систему знаков, то есть когда отображенными оказываются повторяющиеся элементы представлений (ситуаций), и, следовательно, ситуационная ограниченность снимается" (Мартынов, 1967, с. 39).

напр.: Кубрякова, 1986, с. 138, 139, 140, 142, 143, 144 и др.; Языковая номинация: (Общие вопросы), с. 7).

Номинативная единица (словесный знак) создается и остается, высказывание же строится для обозначения данной, конкретной, неповторимой ситуации, для выражения данной, конкретной, неповторимой мысли и распадается сразу же после завершения речевого акта¹. Номинативный знак входит в язык и многократно используется его носителями, а высказывание является принадлежностью того или иного речевого акта и не закрепляется в языке. Словесный знак не имеет автора, высказывание, напротив, – имеет.

Номинативная и коммуникативная деятельность человека должны четко разграничиваться (см., напр.: Слюсарева, 1975, с. 40; Колшанский, 1976, с. 22; Торопцев, 1980, с. 29). "... Последовательное разграничение коммуникативной сферы языка (речи) с присущими ей особенностями предикативных знаков (высказывания, сообщения) и классификационно-номинативной, с характерными для нее номинативными знаками (слова, словосочетания), ... являются непременным условием. К сожалению, эта, казалось бы, азбучная истина нередко попирается", – пишет А. А. Уфимцева (Уфимцева, 1974, с. 201). Номинация предшествует коммуникации. Она поставляет коммуникации готовый знаковый (лексический) материал (см.: Торопцев, 1980, с. 29; Мартынов, 1967, с. 40). Номинация закрепляет (фиксирует) уже полученную информацию, а коммуникация ставит своей целью или обмен информацией, или получение новой.

Номинация и коммуникация органически связаны друг с другом и невозможны друг без друга, но между ними нельзя ставить знак равенства, нельзя приписывать коммуникативным образованиям номинативную функцию нельзя сводить коммуникацию к номинации.

¹ Даже если высказывание закрепляется на письме, оно остается частью данного текста, но не становится единицей общенародного языка.

Г. В. Колшанский пишет: "Сущность языка состоит не в том, что он нечто обозначает, а в том, что он нечто сообщает (выделено автором. – Ю. Ф.). И так как одно без другого существовать не может, то определение языка по его основной и единственной функции – коммуникативной заставляет относить номинацию к подчиненной стороне языкового механизма..." "Номинация и коммуникация – две стороны одного и того же нераздельного процесса, в котором ведущей является коммуникация" (Колшанский, 1976, с. 22).

Номинативную функцию выполняет не высказывание в целом, а каждое самостоятельное слово в его составе.

Причину выдвижения гипотезы номинативности предложения можно видеть в том, что В. Г. Гак и Н. Д. Арутюнова синонимизируют понятия "семантический" и "номинативный" (см., напр.: Гак, 1977, с. 237; Арутюнова, 1972, с. 317)¹. Семантику они подменяют номинацией, предложение – высказыванием, комбинацию знаков – знаком, язык – речью. Однако синонимизировать понятия "семантика" и "номинация" нельзя. Семантику (план содержания) имеют не только слово и фразеологизм, но и морфема и предложение, однако номинативную функцию в строгом смысле этого термина выполняют лишь слово и фразеологизм.

Информация, заключенная в слове, качественно отличается от информации, заключенной в высказывании (см.: Кацнельсон, 1972, с. 140).

¹ "Можно считать, – пишет А. В. Солнцев, – что все двусторонние (! – Ю. Ф.) единицы языка и речи обладают в той или иной мере (? – Ю. Ф.) свойством номинативности" (Солнцев А. В., 1987, с. 134). Исходя из этого, А. В. Солнцев приписывает номинативность даже морфеме, хотя она не репрезентирует предмет, не является его именем и не выражает понятие, о чем он мог бы узнать в книге В. М. Солнцева "Язык как системно-структурное образование".

Первая имеет статический характер и является фактом языка, вторая имеет динамический характер и является фактом речи. Первая имеет форму понятия, вторая – форму суждения, т. е. комбинации понятий. Семантику слова называют значением, семантику предложения (высказывания) – смыслом. Значение слова стационарно, надситуативно и входит в язык, смысл высказывания – нестационарен, ситуативен и находится за пределами языка (о чем писали Н. И. Жинкин, В. А. Звегинцев, Й. Домбровский, Э. Бенвенист, Ф. Р. Данеш и К. Гаузенблас, Н. А. Слюсарева, В. М. Солнцев и мн. др.). "Смысл отличается от значения актуальным, творческим и личностным характером" (Мыркин, 1978, с. 97).

Содержание слова (знака) не оценивается с позиций истинности – ложности. Напротив, для содержания высказывания это характерно.

Если слово фиксирует старое знание (см.: Гальперин, 1982, с. 42), то в фразе происходит формирование нового знания.

Слово называет – фраза сообщает.

Приписывать высказыванию номинативность – значит ревизовать понятие номинативности, значит стирать качественную разницу между языковым значением слова и речевым смыслом фразы¹. Фраза осмысленна, но не номинативна. А. И. Моисеев справедливо пишет: "Впечатление еще большей странности ... вызывают нередкие теперь рассуждения о коммуникативной функции слов и о номинативной функции предложений: обычные и, кажется, всеми уже принятые представления переворачиваются, как если бы

¹ Это вынуждена признать даже Н. Д. Арутюнова: "Введение понятия денотации в семантическую модель предложения, с одной стороны, стирает принципиальные различия между семантическими свойствами предложения и имени и, с другой стороны, затемняет основную семантическую черту "классического" предложения, заключающуюся в его смысловой гетерогенности, в семантической противопоставленности по "уровню" значения идентифицирующих имен и предиката" (Арутюнова, 1976, с. 105).

стол вдруг стали называть стулом, а стул, напротив, столом, черное – белым, белое – черным, левое – правым, а правое – левым и т. п." (Моисеев, 1977, с. 60). Такое неразграничение качественно различных понятий, такое "терминологическое переодевание" (Р. А. Будагов) не приносит ничего, кроме вреда.

Если мы примем гипотезу знаковости и номинативности предложения, то мы должны будем сделать из нее определенные методические выводы, то есть строить обучение языку не на базе слова, а на базе предложения. Учащиеся должны усваивать не слова ("частичные знаки", "недознаки"), а предложения ("полные знаки"). Правда, осуществить эту идею на практике невозможно. Но из этого следует, что анализируемая гипотеза не выдерживает проверки практикой.

Можно ли реализовать гипотезу знаковости и номинативности предложения в области прикладной лингвистики? Отрицательный ответ очевиден.

Референтом высказывания В. Г. Гак и Н. Д. Арутюнова считают ситуацию. При этом последняя получает у них непоследовательную, противоречивую характеристику. В одном случае они характеризуют ситуацию как целостный объект (см.: Гак, 1968, с. 11; Арутюнова, 1972, с. 299, 268), в другом – как расчлененный. Например, В. Г. Гак пишет: "Означаемым высказывания является ситуация (выделено автором. – Ю. Ф.), под которой нами понимаются прежде всего предметные отношения – предметы, процессы и связи между ними. Ситуация образуется в результате координации субстанций" (Гак, 1968, с. 12; см. также: Арутюнова, 1972, с. 278, 290, 306). "Субстанции и координации образуют элементы ситуации, им в естественных языках соответствуют имена и глаголы" (Гак, 1968, с.12; см. также: Языковая номинация: (Общие вопросы), с. 260). Но из сказанного прямо и недвусмысленно следует, что обозначающее ситуацию высказывание тоже имеет расчлененный, комбинированный характер, является не знаком, а свободной комбинацией знаков. "Так как слово (понятие), согласно Аристотелю, это только элемент мысли, то са-

ма мысль – это отношение этих элементов, их соединение для раскрытия смысловых связей, существующих между обозначаемыми ими понятиями и соответственно между предметами и явлениями реальной действительности Интуитивно понятно, что если минимальное количество точек, через которые можно провести линию (связь), равно двум, то, значит, и мысль должна выявляться уже на отрезке двух слов" (исследование речевого мышления в психолингвистике, с. 77). "В предложении должно быть в точности столько различных частей, сколько их есть в положении вещей, которое оно изображает" (Витгенштейн, 1958, с. 404)¹.

Кроме того, существует большое число предложений, которые очевидным образом не обозначают ситуации (события). Например: Гений и злодейство – вещи несовместные, Вернись!, Хорошо!, Нет и др. В. Г. Адмони по этому поводу пишет: "... Широко распространенное определение смысловой основы, или смыслового эквивалента, предложения как ситуации неудовлетворительно, так как во многих языках понятие ситуации совершенно непригодно, например, для раскрытия семантики предложений с предикативом в именительном падеже. Свойственная таким предложениям семантика включения более частного понятия в более общее, семантика отождествления и т.п. никак не может быть сведена к семантике ситуации" (Адмони, 1979, с. 31). С этим соглашаются даже те, кто является принципиальным сторонником гипотезы номинативности предложения (см., напр.: Кривченко Е. Л. Номинативный аспект предложения. Саратов, 1982. С. 41).

Добавим, что лингвист должен изучать предложение (высказывание), в том числе его, смысл, а не отражаемую им внелингвистическую ситуацию.

"...Реальный мир, организован как мир (система) вещей" (Райбе-

¹ Структура высказывания определяется ситуацией и – отчасти – намерением говорящего.

кас, 1977, с. 241), Если язык как совокупность знаков отражает мир вещей, то отдельный языковой знак отражает ту или иную конкретную вещь, а не взаимодействие вещей.

М. В. Панов справедливо заметил, что "об одной и той же ситуации можно сказать разное. Если бы о каждой ситуации можно было сказать только одно, то это высказывание было бы названием ситуации, т.е. осталось бы в пределах номинации" (Панов, 1980, с. 131).

"Предложение-знак, – пишет Е. В. Гулыга, – отличается от простого знака – слова по строению, функциям, а также по тому денотату, на который эти знаки ориентированы" (Гулыга, 1977, с. 52). Но если предложение отличается от слова по всем параметрам (!), то что дает основание считать предложение номинативным знаком?!

Таким образом, в построениях З. Г. Гака и Н. Д. Арутюновой семантика подменяется номинацией, предложение – высказыванием, комбинация знаков – знаком, язык – речью.

Гипотеза знаковости и номинативности предложения должна быть отклонена, поскольку она, во-первых, противоречит многим фундаментальным понятиям и аксиомам современного языкознания (дихотомии "язык – речь", представлению о творческом характере речевой деятельности человека, учению о слове как центральной единице языка, о предложении как минимальном речевом произведении и др.), во-вторых, не соответствует фактам языка – речи и, в-третьих, не подтверждается практикой обучения и изучения языков, практикой машинного перевода.

Вопросы для самопроверки

1. Что понимают под знаком языка?
2. Обладает ли предложение свойствами языкового знака? Приведите аргументы.

О природе словосочетания

Значительная группа грамматистов (скорее по инерции, для "сохранения лица") продолжает пытаться удержать не отражающую реальность гипотезу номинативности синтаксического словосочетания. Вслед за В. В. Виноградовым они определяют синтаксическое (свободное) словосочетание как номинативную единицу языка, существующую до и вне предложения и служащую для него строительным материалом. Неадекватность этой точки зрения лежит на поверхности. Как известно, единица языка должна регулярно использоваться в тысячах и миллионах актов речи, т. е. обладать признаком воспроизводимости. Этим признаком обладают слово и фразеологическое словосочетание, но не обладает словосочетание синтаксическое (свободное). Синтаксическое словосочетание не воспроизводится, а строится, возникает в процессе порождения фразы. Например, в русском языке нет таких единиц, как читаю роман, читаю интересный роман, жадно читаю интересный роман, ночами жадно читаю интересный роман, приготовить еду к обеду, на собрании резко критиковать руководство за ошибки, мечтать согреться остатками спитого чая из жестяной кружки с помятым боком¹ и др. под. Все эти словосочетания извлечены не из языка, не из языковой памяти, а из тех или иных конкретных фраз. Например: Пурга застала меня вдали от жилья, я быстро замерз и начал мечтать согреться остатками спитого чая из жестяной кружки с помятым боком.

Признаком воспроизводимости обладают лишь фразеологические словосочетания типа кот наплакал, с гулькинос, стреляный воробей. Фразеологические словосочетания можно назвать языковыми, а синтаксические (свободные) – речевыми.

Итак, словосочетание не обладает признаком воспроизводимости. Не

¹ Два последних примера фигурируют в РГ, с.82.

обладает оно и признаком номинативности. Вспомним, что выполнять номинативную функцию – значит называть тот или иной предмет (класс однородных предметов) и выражать понятие о нем. Считается бесспорным, что номинативную функцию выполняет слово (и эквивалентный ему фразеологический оборот). Но можно ли в таком случае приписывать номинативную функцию сочетанию слов? В сочетании слов номинативную функцию выполняет каждое слово само по себе, а не все сочетание в целом. Например, в словосочетании читает книгу (РГ, с. 6) слово читает называет действие ("воспринимать что-либо написанное или напечатанное буквами или другими письменными знаками"), а слово книгу – предмет ("произведение печати в виде сброшюрованных, переплетенных вместе листов с каким-либо текстом"). Словосочетание же читает книгу в целом номинативную функцию не выполняет, так как не существует предмет "читает книгу". Точно так же нет понятий и предметов "приготовить еду к обеду", "на собрании резко критиковать руководство за ошибки", "мечтать согреться остатками спитого чая из жестяной кружки с помятым боком"; нет таких понятий и предметов, как "пишет статью", "пиши статью", "думает о будущем", "думай о будущем" и т.п.

Иначе говоря, слова, вступая в сочетания друг с другом, не утрачивают собственное качество, сохраняют свое лексическое значение, способность именовать предметы и явления, т.е. остаются самими собой.

Есть ли, однако, словосочетания, выполняющие номинативную функцию, словосочетания, члены которых лишены собственного лексического значения? Да, есть. Это фразеологические словосочетания – антиподы словосочетаний синтаксических.

Если мы признаем словосочетание номинативной единицей языка, то нам придется признать, что для усвоения языка нужно запомнить все (или очень многие) входящие в него словосочетания. Но какие? Двухсловные? Трехсловные? Многословные? Читает книгу? Читает интересную книгу? Жадно читает интересную книгу? Ночами жадно чита-

ет интересную книгу? Ночами жадно читает подаренную отцом интересную книгу? Любое словосочетание можно таким образом практически расширять до бесконечности. Это доказывает, что словосочетания не являются готовыми единицами языка, а возникают (строятся) в процессе порождения фразы.

Практика изучения и преподавания языка вновь и вновь подтверждает, что мы запоминаем не словосочетания, а слова. Человеческий язык – язык слов.

Если мы признаем словосочетание номинативной единицей языка, то нам придется признать, что предложения строятся из словосочетаний, а не из слов. Но реальные факты языка – речи тысячекратно опровергают это предположение. Языком предусмотрены и в речи регулярно встречаются фразы, состоящие из одного (в том числе неполнозначного) слова. Например: Светает; Полегчало; Ура!; Нет; Да; О! и т.д. Человек с самым богатым воображением не сможет представить эти фразы как построенные из словосочетаний.

Н. Ю. Шведова и некоторые другие авторы утверждают, что сочинительные словосочетания словосочетаниями не являются, что словосочетаниями являются только подчинительные словосочетания. Во-первых, в этом утверждении содержится элементарная логическая ошибка. Если сочинительные словосочетания получили это свое название, если они признаны разновидностью словосочетаний, то они не могут быть одновременно выведены за пределы словосочетаний. Подтип типа входит в этот тип. Пользуясь логикой Н. Ю. Шведовой и В. А. Белошапковой, можно было бы построить суждения вроде: "Люди делятся на молодых и старых. Старые люди – не люди"; "Животные делятся на диких и домашних. Домашние животные – не животные"; "Ручки делятся на перьевые и шариковые. Шариковые ручки – не ручки".

Во-вторых, это утверждение ничем не аргументировано. Правда, у некоторых авторов проскальзывает мысль о том, что только подчинительные

словосочетания выполняют номинативную функцию, что сочинительным словосочетаниям номинативность не свойственна. Но эти рассуждения не выдерживают никакой критики. Сочинительные словосочетания ничем не "хуже" подчинительных. Говорят, что сочинительные словосочетания не выполняют номинативную функцию. Но ее не выполняют и подчинительные словосочетания, что мы уже показали. Если же все-таки кто-то, игнорируя факты, припишет номинативность подчинительным, словосочетаниям (читает книгу, читает интересную книгу, жадно читает интересную книгу, ночами жадно читает интересную книгу и т.д.), то на каком основании он отказывает в номинативности сочинительным словосочетаниям? Сочинительные словосочетания вроде отец и мать (= родители), день и ночь (= сутки), мужчины и женщины (= люди) легче назвать номинативными единицами, нежели подчинительные словосочетания типа отец матери, мать отца, читает книгу, ночами жадно читает интересную книгу и т.п.

Единица языка должна выполнять определенную функцию. Например, слово (и фразеологический оборот) выполняет номинативную функцию, а фраза (комбинация единиц) – коммуникативную функцию. Синтаксическому словосочетанию ни та, ни другая, ни какая-либо иная функция не свойственна.

Единица языка должна иметь содержание (значение) и форму. Словосочетание не имеет ни того, ни другого.

Так, действующий школьный учебник для 8 класса, характеризуя "словосочетания нарисовать портрет, собирать гербарий, построить элеватор и другие того же строения", сообщает, что они "имеют общее, грамматическое значение: указывает на действие и предмет, на который оно переходит" (Рус. яз. – С. 27, 28).

Можно ли согласиться с тем, что перед нами действительно грамматическое значение словосочетания? Нет, нельзя. Во-первых, здесь за грамматическое значение словосочетания выдается механическая сумма час-

теречных значений слов, из которых оно построено. Сумма частеречных значений никогда не считалась и, очевидно, не может считаться грамматическим значением словосочетания. Во-вторых, само частеречное значение не является грамматическим значением (см.: Левковская, 1962, с. 138; Фоменко, 1991, с. 41). Известно, что грамматическое значение обязательно выражается с помощью того или иного грамматического средства (грамматической формы). У словосочетания такого средства (оформления) нет. Грамматическое оформление есть только у слова, а не у группы слов. Известно, далее, что грамматическое (морфологическое) значение обладает признаком оппозитивности. "Оппозитивность – обязательное качество грамматического значения. Нельзя говорить о каком-либо грамматическом значении, если ему не противопоставлено другое (другие) однопорядковое (однородное) грамматическое значение" (Фоменко, 1991, с. 41). "Значение" "действие и предмет" ни в какую оппозицию не входит. Наконец, каждое грамматическое значение входит в ту или иную грамматическую категорию того же названия. Например, грамматическое значение единственного числа и грамматическое значение множественного числа входят в грамматическую категорию числа. "Значение" "действие и предмет" ни в какую известную грамматическую категорию не входит. Таким образом, это "значение" – механическая сумма частеречных сем двух самостоятельных единиц языка – слов построить и элеватор, а не единое грамматическое значение особой единицы языка – словосочетания построить элеватор. Построить элеватор – это свободная и временная комбинация двух единиц языка – слов, каждое из которых имеет свои грамматические значения и грамматическое оформление.

Если, по мнению Л. Ю. Максимова, Н. Ю. Шведовой и некоторых других лингвистов, свое грамматическое значение имеют простые (двусловные) словосочетания, то свое грамматическое значение должны иметь и сложные и комбинированные словосочетания, т.е. группы слов, состоящие из

3, 4, 7, 12, 23, 39 и т.д. единиц, типа: построить большой элеватор, в течение года построить большой элеватор, в течение года на окраине города построить большой элеватор, мечтать согреться остатками спитого чая из жестяной кружки с помятым боком и т.п. Тогда "грамматическое значение" последнего словосочетания мы должны были бы охарактеризовать (описать) следующим образом: "действие, действие, предмет, признак предмета, предмет, предмет, признак предмета, предмет и признак предмета". Если такое решение не абсурд, то что же это? Не случайно авторы школьного учебника оставляют многословные словосочетания за пределами анализа.

Если на 28-й странице школьного учебника говорится, что словосочетание построить элеватор называет "действие и предмет, на который оно переходит", то на 27-й странице утверждается, что это словосочетание называет действие, "только более конкретно, точно". Но эти утверждения несовместимы, и сами колебания авторов учебника недвусмысленно свидетельствуют об ошибочности обсуждаемой гипотезы.

Если словосочетание признается номинативной единицей языка, то оно должно иметь не грамматическое, а лексическое значение. Имеет ли, однако, словосочетание собственное лексическое значение? Нет, не имеет (и никто не считает, что имеет). Его значение (если вообще использовать это выражение) — это арифметическая сумма значений слов, из которых словосочетание построено.¹ Например, словосочетание построить элеватор имеет значение "возвести + зернохранилище большого

¹ Это выражение тоже носит условный характер: словосочетание не строится, строится фраза, из которой словосочетание можно извлечь, чтобы рассмотреть валентность соответствующих слов. Словосочетание строится только в случае необходимости дать предмету составное наименование. Например: Новосибирский институт народного хозяйства, театр музыкальной комедии, "Цветы запоздалые", "Отцы и дети", "Война и мир", "Герой нашего времени" и т.д. Но в роли составного наименования литературного произведения может выступать и целое предложение (Фраза): "Они сражались за Родину", "Знакомьтесь: Балуюв".

размера". Другое дело – фразеологическое словосочетание. Оно действительно имеет собственное значение, не совпадающее с арифметической суммой лексических значений компонентов. Например, фразеологизм валять дурака имеет значение "бездельничать, лодырничать", а его компоненты – значения "поворачивая, катать по поверхности чего-либо или в чем-либо" и "глупый, тупой человек"; фразеологизм взять быка за рога имеет значение "начать действовать энергично, сразу и с самого главного", а его компоненты – значения "схватить руками", "домашнее рогатое животное" и "твердый вырост из костного вещества на голове у некоторых животных"; синтаксическое (свободное) словосочетание белая ворона имеет значение, представляющее собой арифметическую сумму лексических значений компонентов – "ворона белого цвета"; фразеологическое словосочетание белая ворона имеет собственное значение "человек, резко выделяющийся среди других, непохожий на окружающих", а его компоненты – "цвета снега, молока, мела" и "птица с черным или серым оперением, родственная ворону".

Общепризнанной является точка зрения, согласно которой в синтаксисе рассматривается процесс коммуникации. Следовательно, объектом синтаксиса должно быть коммуникативное образование. Если же словосочетание выполняет не коммуникативную, а номинативную функцию, то оно должно быть не объектом синтаксиса, а объектом лексикологии (или, точнее, фразеологии. Из этого, в свою очередь, следует, что можно (а значит, и должно) составить полный перечень (словарь) словосочетаний данного языка. Однако такого словаря нет и не может быть.

Вообще в концепции В. В. Виноградова синтаксическому (свободному) словосочетанию приписаны признаки фразеологического словосочетания. Между тем это антиподы.

Словосочетание не имеет собственной формы. В. В. Виноградов считает формой словосочетания форму (формы) подчиняющего слова: "... сторонник мира, сторонника мира, стороннику мира и т. д. "(Грамматика

русского языка, 1954, с. 11) Но флексии -Ø, -а, -у и др. – это грамматические формы только именно слова сторонник, но не слова мира, которое имеет собственные формы (мир, мира, миру и т. д.)

Таким образом, ни лексической, ни грамматической формы словосочетание не имеет. Этот факт будет еще более очевиден, если мы обратимся к словосочетаниям, состоящим из 3, 4, 5, 15, 27 и т.д. слов. Например, приписать собственную форму словосочетанию "мечтать согреться остатками спитого чая из жестяной кружки с помятым боком" не рискнул и не смог бы даже В. В. Виноградов.

Обязательным признаком единицы языка является цельность (неделимость). Неделимость – это "критерий, позволяющий отличать слово (как не допускающее вставок между его частями) от синтагмы" (Ахманова, 1966, с. 256); неделимый – "не поддающийся разложению на составляющие части без потери данного качества" (там же). Цельность (неделимость) единицы языка заключается в том, что она не может быть расчленена на другие единицы того же уровня. Признаком цельности обладают слово и фразеологизм (а также фонема и морфема), но не обладает словосочетание: оно допускает разложение на части без потери данного качества. Части словосочетания – слова сами выполняют номинативную и синтаксическую функции, приписываемые словосочетанию в целом. Признак раздельности проявляется в словосочетании на семантическом, фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Следствием раздельности словосочетания является одновременное вхождение каждого его компонента в разные словосочетания, что не свойственно единице.

С содержательной и формальной раздельностью словосочетания связана непредсказуемость его второго (следующего) компонента: если в фразеологических словосочетаниях предсказуемость второго компонента равна 100% (например: калиф + на час) или приближается к этой цифре, то в синтаксических словосочетаниях предсказуемость следующего компонента

равна 0 % (например: принес + 1, 2, 3 ... п слов) или приближается к этой цифре. Иначе говоря, между компонентами словосочетания, в отличие от фразеологизма, имеют место отношения свободного выбора, в связи с чем синтаксические словосочетания называют свободными (или продуктивными).

Если, фразеологическое словосочетание имеет одно значение (выражает одно понятие), то в синтаксическом словосочетании столько значений (понятий), сколько в нем слов, т.е. словосочетание, в отличие от слова и фразеологизма, не имеет логического коррелята. Каждый компонент словосочетания (каждое слово) имеет самостоятельное лексическое значение и обозначает отдельную реалию, т.е. выполняет номинативную функцию. Это становится особенно очевидным при сравнении синтаксического словосочетания с фразеологическим: утку съел (2 реалии) – собаку съел (1 реалия), закинул удочку (2 реалии) – закинул удочку (1 реалия). Цельность номинации свойственна фразеологизму и не свойственна словосочетанию. Иначе говоря, словосочетание как таковое не выполняет номинативную функцию. В словосочетании мы имеем дело не с одной, а с двумя или несколькими номинативными единицами.

Как видим, все наши попытки подтвердить гипотезу В. В. Виноградова о том, что свободное словосочетание является номинативной единицей языка, не привели к успеху. Место этой гипотезы – на архивной полке.

Положение о том, что синтаксическое словосочетание не является единицей языка, подтверждается анализом механизма речеобразования. Процесс речеобразования (если выделять главное) начинается с поиска и выбора номинативных единиц языка – слов (и эквивалентных им фразеологизмов), Следующий этап речеобразования – объединение номинативных единиц в единицу коммуникативную – высказывание. Высказывание – это цепочка слов (частный случай – одно слово), согласован-

ных друг с другом по лексическому и грамматическому (-им) значениям, эмоциональной и стилистической окраске. Выбрав и актуализировав первое слово, говорящий выбирает и актуализирует второе слово и продолжает эту процедуру до того момента, пока фраза не будет полностью построена. Например: Отец + вернулся + из командировки. Каждое самостоятельное слово, вошедшее в фразу, является самостоятельным членом предложения. Иначе говоря, предложение строится из слов (а не из словосочетаний или из слов и словосочетаний, как нередко пишут). Рядовой носитель языка не оперирует словосочетаниями и не думает о них. Словосочетания может выделить из готовой фразы лингвист-теоретик. Но и он воспринимает словосочетание не как особую единицу языка, а как свободную комбинацию самостоятельных единиц – слов, связанных друг с другом по особым правилам. Эти-то правила – правила связи слов в связной речи, в фразе – и изучает синтаксист.

Что же такое словосочетание? Словосочетание – это реализация категориальной (грамматической) и индивидуальной (лексической) валентности (сочетательной способности) слов. В язык входят не словосочетания (например, читать книгу), а слова, способные сочетаться друг с другом (например, слова читать и книга).

Защищаемый нами взгляд на словосочетание – не откровение, не ломка традиции. Напротив: он идет из глубины веков, из античной грамматики, считавшей предметом синтаксиса не две и не несколько единиц, а одну – предложение. По определению Дионисия Фракийского, "речь есть соединение слов, выражающее законченную мысль" (Античные теории..., 1936, с.117). Аполлоний Дискол главной задачей синтаксиса считает "сочетание отдельных слов в цельную речь", "законы всякого рода сочетаемости слов" (Добиаш, 1882, с. 60). То же понимание предмета синтаксиса мы находим в грамматиках Л. Зизания (1596 г.) и М. Смотрицкого (1619г.). Л. Зизаний писал: "Слово (т.е. предложение. – Ю. Ф.) есть речений (т.

е. слов. – Ю.Ф.) сложение" (Булахов, 1976, с.107). Аналогичные высказывания мы найдем у М. В. Ломоносова, Н. Курганова, А. А. Барсова, в "Российской грамматике..." 1802 года, у Н. М. Кошанского, Н. И. Греча, А. Х. Востокова, И. И. Давыдова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. А. Шахматова, И. И. Мещанинова, Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова, С. И. Абакумова, А. И. Смирницкого, Т. П. Ломтева, А. Н. Гвоздева, В. М. Солнцева, В. А. Звегинцева, И. П. Распопова, Е. С. Скобликовой, В. Н. Мигирина, А. И. Моисеева и у многих других. Иными словами, эта линия в развитии отечественного (да и не только отечественного) синтаксиса является ведущей. Этот взгляд на словосочетание был представлен и в действовавшем до 1972 года школьном учебнике русского языка С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова. Только в работах В. В. Виноградова в начале 50-х годов, прежде всего в "Грамматике русского языка" АН СССР, складывается концепция словосочетания как особой единицы языка, выполняющей номинативную функцию, существующей до и вне предложения и являющейся для него строительным материалом. Правда, характеристика словосочетания у В. В. Виноградова не была последовательной и строгой. В. В. Виноградов то называет словосочетание особой единицей языка, выполняющей номинативную функцию и служащей строительным материалом для предложения, то говорит, "что вопрос о типах строения словосочетаний как словесных обозначений или выражений дает лишь материал для изучения многообразных отношений между словами в предложении" (Виноградов, 1958, с.389; см. также с. 394). В. В. Виноградов был вынужден признать, что "понятие словосочетания и теперь не может считаться уясненным до конца" (Виноградов, 1958, с. 392). Однако в начале 50-х годов, в эпоху большевистского "абсолютизма", взгляды официального лидера отечественного языкознания не могли быть подвергнуты сомнению, воспринимались как "советское учение о словосочетании" (Тер-Минасова и Гвишиани, 1977, с. 62) и получили широчайшее распространение в научной и учебной литературе. Исследователи, придерживавшиеся тогда

противоположного, традиционного взгляда (А. Н. Гвоздев, А. И. Смирницкий, Т. П. Ломтев, отчасти – В. П. Сухотин), были в меньшинстве. Однако постепенно их число росло. Сомнения в адекватности номинативной теории словосочетания высказали В. В. Белый, П. С. Кузнецов, А. А. Холодович, М. М. Михайлов, Н. М. Александров, Н. С. Дмитриева, А. С. Попов, Ю. С. Маслов, Л. С. Бархударов, Б. И. Косовский, Т. В. Булыгина, Е. Б. Артеменко, Ю. В. Фоменко, Д. Н. Шмелев, Е. В. Клобуков, М. И. Задорожный и мн.др.

К традиционному пониманию словосочетания как семантико-синтаксического объединения двух или нескольких самостоятельных слов в составе предложения начали возвращаться авторы учебных пособий для студентов. По мнению Е. С. Скобликовой, словосочетание – "это структурное звено предложения, которое представляет собой грамматическое объединение двух знаменательных слов и служит для выражения определенных отношений между соответствующими предметами и явлениями" (Скобликова, 1979, с. 3). Аналогичный взгляд отражен в учебных пособиях В. Г. Гака (1981, с. 45) и В. В. Бурлаковой (Теор. грам-ка англ. яз., 1983, с. 118–119). В учебном пособии для вузов "Синтаксис современного русского языка" Н. С. Валгиной мы читаем: "Словосочетания не существуют в готовом виде в языке как единицы наименования, как отдельные слова и поэтому не обладают воспроизводимостью. Их конкретное лексическое наполнение всегда привязано к предложению, и оно бесконечно разнообразно. Конкретные словосочетания строятся безусловно в процессе коммуникации..." (Валгина, 1978, с. 26). (Симптоматично, что в первом издании этого пособия словосочетание квалифицировалось как номинативная единица языка.) Явный отход от концепции В. В. Виноградова имеет место в энциклопедии "Русский язык", в которой словосочетание определяется как "синтаксическая конструкция, образуемая соединением двух или более знаменательных слов" (Рус. яз.: Энци., 1979, с. 309).

Уже не называет словосочетание номинативной единицей языка ученица В. В. Виноградова – Н. Ю. Шведова. В "Грамматике современного русского

литературного языка" она пишет: "Словосочетание – это синтаксическая единица, образующаяся соединением двух или более знаменательных слов..." (с. 536).

Защищаемый нами взгляд на словосочетание представлен в учебнике русского языка для 7-8 классов киргизской школы (под редакцией А. Е. Супруна). К традиционному взгляду на словосочетание вернулись составители нового учебника по русскому языку для 5–9 классов общеобразовательных учебных заведений В. В. Бабайцева и Л. Д. Чеснокова. Они пишут: "Словосочетание – это сочетание двух (и более) самостоятельных слов, связанных между собой грамматически и по смыслу..." (с. 165). "Словосочетания формируются в предложении и выделяются из него" (с. 165).

Вопросы для самопроверки

1. Вспомните традиционное определение синтаксического словосочетания.
2. Как понимает словосочетание В. В. Виноградов?
3. Покажите ошибочность концепции В. В. Виноградова.

Валентность

(сочетательный потенциал) слов

Итак, в предшествующем разделе мы пришли к выводу, что словосочетание – это реализация категориальной (грамматической) и индивидуальной (лексической) валентности (сочетательной способности) слов. Рассмотрим понятие валентности более подробно.

Возникновение понятия валентности представляет собой значительный шаг вперед для лингвистики в целом для синтаксиса в частности. Переход от понятия словосочетания к понятию валентности означает переход с уровня "живого созерцания на уровень абстрактного мышления с уровня речи на уровень языка.

Валентность – это сочетательная способность, сочетательный потенциал лингвистической единицы – фонемы, морфемы, лексемы. (Термин валентность заимствован из химии, где он обозначает число, указывающее, со сколькими атомами другого элемента может соединяться данный атом, иначе говоря – сочетательную способность элемента.) Нас в данном случае интересует валентность центральной единицы языка – слова.

Различают лексическую (индивидуальную) и грамматическую (категориальную, синтаксическую) валентность. Лексическая (индивидуальная) валентность характеризует отдельную лексему, грамматическая (категориальная, синтаксическая) валентность – целый грамматический класс (часть речи). Например: умный человек, умный мальчик, умный взгляд – но + умный потолок, импортный костюм – но + костюм импортного производства; глагол + существительное (сорвать ягоду), глагол + наречие (быстро обернуться) – но + глагол + прилагательное (быстрый обернуться). Лексическая валентность изучается в лексикологии, грамматическая (синтаксическая) – в грамматике (синтаксисе).

Как известно, синтаксис изучает закономерности построения предложений. Предложения строятся из слов. Слова, соединяясь друг с другом, образуют единую цепочку.

Слова соединяются друг с другом в соответствии со своей валентностью. Валентность – это обязательный признак лингвистической единицы, в том числе и нулевая валентность.

Существуют сильная и слабая валентность. Сильная валентность – это такая валентность, которая не может не быть реализована в речи. Слабая валентность – это такая валентность, которая может не быть реализована в речи. Сильной валентности соответствует обязательная позиция, слабой – факультативная. Например:

1) Листаю книгу, Увлекаюсь математикой, Мечтаю о встрече (данные приглагольные позиции – обязательные, валентность у этих глаголов – сильная);

2) Сижу на диване, Бегу по тропинке, Еду на трамвае (данные приглагольные позиции – факультативные, валентность у этих слов – слабая).

Сильная и слабая валентность, обязательные и факультативные позиции разграничиваются методом опущения. Опускание обязательной позиции делает фразу неотмеченной, неграмматичной, ненормативной, при опущении факультативной позиции фраза остается нормативной. Например: ⁺Листаю, ⁺Увлекаюсь, ⁺Мечтаю – Сижу, Бегу, Еду. Обязательные позиции являются необходимыми, а факультативные – возможными. Без обязательной позиции слово не способно функционировать в речи, наличие же или отсутствие факультативной позиции целиком определяется коммуникативными задачами высказывания.

Важно помнить, что обязательная позиция может быть нулевой. Синтаксический нуль опирается или на контекст (Дать вам чаю? – Дайте + Ø), или на ситуацию (Дайте + Ø, – говорит один человек другому, указывая на какой-либо предмет).

Традиционная грамматика говорит только о сильном и слабом управлении, но не говорит о сильном и слабом примыкании. Между тем примыкание тоже может быть сильным и слабым. Например: находится рядом, располагается внизу – ответил (быстро), (энергично) заговорил. Что касается согласования, то оно, по-видимому, не бывает сильным, т.е. согласуемая позиция является структурно факультативной. Некоторые языковеды усматривают сильное согласование в случаях типа девушка с голубыми глазами. Однако согласуемая позиция голубыми необходима здесь не по требованию грамматики (ср.: девушка с голубыми сережками – девушка с сережками), а по требованию лексики: глаза не являются различительным признаком девушки, и поэтому слово глазами (с глазами) само по себе не может сформировать определение.

Сильная и слабая валентность различаются качественно. Валентность разных слов может различаться и количественно: одно слово допускает

или требует после себя одного слова, одной позиции, одного места, другое – двух, третье – трех, четвертое – четырех. С этой точки зрения можно говорить об одноместных, двухместных, трехместных и четырехместных словах. Например: чище слезы (одноместное слово), с интересом рассматривать рисунок (двухместное слово), по забывчивости положить окурок в карман (трехместное слово), незаметно переложить оружие из одного кармана в другой (четыrehместное слово).

Качественные и количественные различия валентности дают очень большое число комбинаций, мало еще исследованных в науке.

Валентность подчиняющего слова называют активной, валентность подчиненного слова называют пассивной.

Валентность – это явление языка. На уровне речи она находит свое отражение в дистрибуции слова, в его окружении, в конкретных словосочетаниях. Валентность так относится к дистрибуции (словосочетанию), как язык к речи, сущность к явлению, возможность к действительности (реализации, актуализации этой возможности). Дистрибуция (словосочетание) дана нам на уровне живого созерцания, а валентность – на уровне абстрактного мышления. Валентность извлекается нами из дистрибуции, как язык из речи.

В чехословацкой лингвистической литературе используется термин интенция, который, в сущности, обозначает сочетательный потенциал глагольной лексемы.

Объектом синтаксиса являются не словосочетания, а валентность частей речи. Поскольку же валентность реализуется только и именно в предложении, то учение о валентности должно целиком входить в синтаксис предложения.

Каждая часть речи в русском языке имеет свой сочетательный потенциал. Рассмотрим его с точки зрения способности полнозначных (самостоятельных) частей речи сочетаться друг с другом. (Что касается служебных слов – предлогов и союзов, то они служат средством выраже-

ния синтаксических отношений, средством реализации синтаксического потенциала самостоятельных слов.)

Имя существительное способно сочетаться с существительными (любовь к родине), с прилагательными (оригинальная концепция, известен людям), с местоимением (свой взгляд), числительным (два друга, третья попытка), наречием (судак по-польски), категорией состояния (Мальчику там хорошо), глаголом (Солнце взошло; Беседуем о спектакле).

Имя прилагательное способно сочетаться с существительными (ласковый тон, понятный для специалиста), с местоимениями (нечто странное), с наречием (вполне взрослый), в составе сложного сказуемого – с глаголом (Мальчик вернулся веселый).

Местоимение способно сочетаться с существительными (этот дом), с прилагательными (кое-что интересное), с местоимениями (кто-то другой), редко – с наречиями (вполне наш, совсем иной), с категорией состояния (Ему холодно), с глаголом (Ты вернешься!; Забудь обо мне!).

Числительное способно сочетаться с существительными (пять лет, первый с краю, пятый год), с наречием (второй справа) и с глаголом (Семеро одного не ждут; Семь не делится на три без остатка).

Наречие способно сочетаться с существительными (не совсем дурак), с прилагательными (несказанно радостный), с местоимениями (почти свой), с наречием (очень удачно), с категорией состояния (Довольно холодно), с глаголом (Внезапно замолчал).

Категория состояния способна сочетаться с существительными (Жаль брата), с местоимением (Ему тоскливо), наречием (Еще рано), инфинитивом (Нельзя молчать).

Глагол способен сочетаться с существительными (пригласить посетителя, Незнакомец остановился), в составе сложного сказуемого – с прилагательными (Вышел хмурый), с местоимениями (Он удивится; Не спра-

шивай о нем), с наречиями (Неожиданно захохотал), с глаголом-деепричастием (Рисовал, напевая).

Такова синтаксическая валентность частей речи в русском языке. Характеризуя ее, мы учитывали лишь способность частей речи образовывать подчинительные словосочетания, т.е. словосочетания, в которых одно слово подчинено другому. Однако каждая часть речи способна также образовывать сочинительные словосочетания, т.е. словосочетания, в которых слова не подчинены друг другу, грамматически (и логически) равноправны. Сочинительные отношения наблюдаются, как правило, между словами одной части речи. Например: Сергей или Владимир; нежный или грубый; он или я; семь или девять; вчера или сегодня; жарко или душно; любить или ненавидеть.

В подчинительном словосочетании выделяют главное, стержневое, подчиняющее слово и слово зависимое, подчиненное.

В зависимости от морфологической природы подчиняющего слова словосочетания делят на именные, глагольные и наречные; но этот ряд терминов неполон, потому что за его пределами оказываются словосочетания с местоимением и категорией состояния в роли стержневых слов.

Синтаксическая валентность слова – это его внутреннее свойство, постоянно присущее ему в языке. Синтаксическая валентность направлена на целые классы слов (части речи). Например, когда мы говорим о том, что прилагательное способно сочетаться с существительным, то имеются в виду весь класс прилагательных и весь класс существительных.

Понятно, что не каждое прилагательное способно сочетаться со всеми существительными и не каждое существительное способно сочетаться со всеми прилагательными. Часть таких словосочетаний находится под запретом, что объясняется давлением внеязыковой действительности, предметного мира. То или иное конкретное прилагательное может не сочетаться с тем или иным конкретным существительным в силу того, что во внеязыковой действительности соответствующий признак может не быть при-

сущим соответствующему предмету. Если, например, признак "толстокожий" не может быть присущ предмету "биссектриса", то в речи не наблюдается и соответствующее словосочетание – "толстокожая биссектриса". Но все это – сфера лексической (индивидуальной) сочетаемости, которая прямо мотивируется внеязыковой действительностью. Синтаксис же описывает сочетательный потенциал грамматических классов слов (и описывает валентность конкретных лексем в терминах грамматических классов слов).

Синтаксическая валентность слов обнаруживает себя в бесконечном множестве конкретных синтаксических словосочетаний. Например: талый снег, суровый вид, старый дом, лучший друг и т.д.; спелый плод, спелая груша, спелое яблоко; крупное яблоко, аппетитное яблоко, вкусное яблоко и т.д.

Теперь сравним два таких словосочетания: вкусное яблоко – Адамово яблоко (= кадык). Даже не искушенный в лингвистике человек легко осознает принципиальную разницу между этими словосочетаниями. Первое словосочетание – это такое словосочетание, которое мы строим в процессе высказывания в соответствии с валентностью слов вкусное и яблоко. Второе словосочетание мы не строим в процессе высказывания, а извлекаем из памяти, из запасников языка как единицу уже готовую, заранее данную. Словосочетания первого типа носят название синтаксических, словосочетания второго типа – название фразеологических. Валентность членов синтаксического словосочетания направлена на целые классы слов (вкусное + яблоко, вкусное + пирожное, вкусное + мороженое, вкусное + печенье и т.д.; яблоко + спелое, яблоко + сочное, яблоко + красное и т.д.), валентность членов фразеологического словосочетания направлена на несколько слов или даже на одно слово. Это можно выразить с помощью формул: 1) $X + I, 2, 3, 4, 5 \dots n$; 2) $X + I (2, 3)$.

Синтаксические словосочетания строятся, фразеологические – воспроизводятся. Фразеологические словосочетания можно сравнить со сросши-

мися близнецами, которые представляют собой нерасторжимое единство. Элементы этого единства не обладают самостоятельностью и способностью входить в другие единства. Синтаксическое же словосочетание, соответственно, можно сравнить с двумя или несколькими людьми, образовавшими временную пару или группу. Все эти люди обладают свободой воли и способностью входить в самые разные объединения людей. Каждая данная группа будет реализацией такой способности.

Грамматисты, следующие за В. В. Виноградовым, называют синтаксическое словосочетание единицей языка. На самом деле это не так. Как мы уже показали, всякое синтаксическое словосочетание не является готовой, воспроизводимой единицей языка, а является лишь фактом речи, возникающим по воле говорящего, по требованиям смысла. Единицей языка в строгом смысле этого термина является только фразеологическое словосочетание.

Синтаксические словосочетания имеют различную частотность, т.е. частоту появления в речи. Одни из них малочастотные (например, грустный медведь), другие – высокочастотные (например, бурый медведь). Но даже если синтаксическое словосочетание частотное, оно не перестает быть синтаксическим, не превращается в фразеологическое. Например, словосочетание Приветствую вас является высокочастотным, но при этом синтаксическим, а не фразеологическим, потому что оно строится нами в процессе коммуникации (в процессе порождения фразы), а не воспроизводится, потому что его элементы находятся в отношениях свободного выбора: слово приветствую допускает после себя огромное количество других слов, кроме вас, а слово вас, в свою очередь, допускает рядом с собой огромное количество других глаголов, кроме приветствую.

Синтаксические и фразеологические словосочетания различаются вероятностью появления, предсказуемостью следующего элемента. В синтаксическом словосочетании следующий элемент является непредсказуемым, в фразеологическом он характеризуется высокой степенью предсказуемости.

Ср.: умный + х = синтаксическое словосочетание, закадычный + друг = фразеологическое словосочетание.

Фразеологические словосочетания не являются объектом синтаксиса, т.к. они не строятся, а воспроизводятся. Объектом синтаксиса являются лишь синтаксические словосочетания (точнее – сочетательный потенциал слов, частей речи).

Традиционная грамматика делит синтаксические словосочетания на свободные и несвободные (синтаксически нечленимые, неразложимые). Компоненты свободного словосочетания выступают как самостоятельные члены предложения, занимают самостоятельные позиции, несвободное же словосочетание является единым членом предложения. Ср.: пятая телега – пять телег, Один не пришел – Один из нас не пришел¹.

Синтаксические словосочетания делятся также на предикативные и не-предикативные. Предикативным называется сочетание сказуемого с подлежащим. Все остальные словосочетания называются не-предикативными.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое валентность?
2. Как соотносятся понятия валентности и словосочетания?
3. Перечислите типы валентности.
4. Охарактеризуйте валентность существительных, прилагательных, глаголов и наречий.

¹ 0 валентности см. работы С. Д. Кацнельсона, Б. М. Лейкиной, Л. Н. Засориной и В. П. Беркова, Н. З. Котеловой, Н. И. Филичевой, Е. Н. Уздинской, Б. А. Абрамова, Е. И. Шутовой, Л. З. Совы, В. С. Страховой, М. Д. Степановой, С. М. Кибардиной, Г. Я. Солганика, Ю. В. Фоменко и др. (а также Л. Теньера, Г. Хельбига, Р. Мразека, Я. Оравца, Д. В. Соколовой, С. М. Панкратовой, С. Нурханова, Г. Х. Яубасарова).

Типы синтаксически неразложимых словосочетаний

Как мы уже знаем, синтаксические словосочетания делятся на свободные и несвободные (нечленимые, неразложимые).

Рассмотрим все разновидности синтаксически неразложимых словосочетаний в современном русском языке.

I. Сочетания типа кончил читать, стал заниматься, хотел отдохнуть, т.е. сочетания неполнознаменательного глагола с инфинитивом. Известно, что член предложения – это знаменательное (самостоятельное) слово само по себе или вместе с предлогом, вступившее в синтаксические отношения с другими знаменательными словами в составе предложения. Из этого определения следует, что неполнознаменательный глагол не может быть самостоятельным членом предложения. Неполнознаменательный глагол образует вместе с инфинитивом синтаксически неразложимое словосочетание, являющееся одним членом предложения (сказуемым).

Правда, граница между полнознаменательными и неполнознаменательными глаголами не является достаточно четкой. Как, например, следует квалифицировать глаголы осмелился, мечтает, собирается, желает, хочет и др. под.? Один или два члена предложения в случаях: осмелился возразить, мечтает съездить, собирается заниматься, желает познакомиться, хочет отказаться?

Для разграничения полнознаменательных и неполнознаменательных глаголов можно, по мнению некоторых лингвистов, использовать прием трансформации сочетания глагола с инфинитивом в сочетание глагола с отглагольным существительным: любит читать – любит чтение. Если такая трансформация возможна, перед нами свободное словосочетание, если нет – словосочетание несвободное. Ср.: любит читать – любит чтение, мечтает отдохнуть – мечтает об отдыхе, учится стрелять – учится стрельбе; но: осмелился напомнить, намеревался поехать. Два последних сочетания (и подобные им) не могут трансформироваться, как первые.

Однако способность/неспособность к такой трансформации, по-видимому, не связана с полнознаменательностью/неполнознаменательностью глаголов. Если бы способность к трансформации определялась непосредственно семантикой, то синонимичные глаголы должны были бы быть тождественными в трансформационном отношении. Между тем это не так. Ср.: мечтает отдохнуть – мечтает об отдыхе, но: намеревается отдохнуть – нет пары.

Кроме того, многие глаголы, допускающие трансформацию, являются все же неполнознаменательными, поскольку не могут употребляться абсолютивно, без зависимого слова. Например: хочет победить, стремится выиграть.

Следовательно, указанный способ не может быть надежным во всех случаях. Поэтому при выделении неполнознаменательных глаголов мы должны опираться на их семантику. Неполнознаменательными (вслед за многими авторами) мы будем считать глаголы начала, конца и продолжения действия и все модальные глаголы: начал, стал, пошел (= начал), пустился, принялся, бросился, кинулся, кончил, перестал, прекратил, бросил, продолжал, а также сел (обедать), лег (отдыхать), отправился (путешествовать), завалился (спать); мог, умел, сумел, разучился, умудрился, ухитрился, потрудился, устал, успел, хотел, желал, жаждал, искал, мечтал, собирался, намеревался, старался; стремился, силился, решил, взялся, вызвался, смел, осмелился, дерзнул, покусился, попытался, попробовал, отказался, ленился, решился, поклялся, пришлось; думал, вздумал, задумал, воображал, надумал, затеял, надеялся, предполагал, рассчитывал, чаял, готовился, догадался, собирался, позволил (себе), боялся, страшился, трусил, стеснялся, стыдился и др.¹ Неко-

¹ Сюда же можно отнести и безличные глаголы: пришлось (уходить), довелось (повидать), не миновать (ехать), не пристало (дерзить) тянет (покурить), захотелось (танцевать), заблагорассудилось (остаться).

торые глаголы занимают промежуточное положение между полнознаменательными и неполнознаменательными. Это, например, глаголы любит, учится, предпочитает. Ср.: Мальчик любит рисовать; Девочка учится плавать; Мама предпочитает читать журналы. Одни ученые выделяют в подобных конструкциях составное сказуемое, другие – простое.

Сочетания типа перестал работать (перестать работать, переставший работать, перестав работать) являются несвободными не только в функции сказуемого, но и во всех других функциях. Например: Перестать работать сейчас невозможно (подлежащее); Меня удивило его намерение перестать работать (определение); Переставший работать станок стоял в углу (определение); Друзья посоветовали ему перестать работать (дополнение); Перестав работать, она занялась воспитанием внука (обстоятельство).

От сочетаний типа начал читать, кончил читать принципиально отличаются сочетания типа пришел читать, вышел погулять и др. под., в которых первый компонент представлен полнознаменательным глаголом движения. Дело в том, что глагол движения сам формирует сказуемое; что же касается примыкающего инфинитива, то он выступает в функции обстоятельства цели.

Не образуют неразложимых словосочетаний сочетания глаголов с объектным инфинитивом: заставил отвечать, обязал выполнить, нанял покрасить и т.д. Объясняется это тем, что сказуемое должно обозначать действие одного лица, а глаголы заставил и отвечать обозначают действия разных лиц.

2. Сочетаниям типа стал писать подобны сочетания типа стал писателем, первый компонент которых тоже не способен самостоятельно сформировать член предложения. Сочетания этого типа (стал писателем, стать писателем, ставший писателем, став писателем) могут выступать в функции всех членов предложения. Например: Мой брат стал писателем (сказуемое); Стать писателем – его давняя мечта (подлежащее); Отец со-

ветовал сыну стать писателем (дополнение); Он до сих пор не отказался от мечты стать писателем (определение); Став писателем, он не забыл родную деревню (обстоятельство).

В одном ряду с глаголом стать находятся глаголы делаться, становиться, являться, казаться, оказаться, показаться, считаться, называться, притворяться, состоять и др., а также глаголы быть, бывать.

Вторым компонентом рассматриваемых сочетаний может быть не только существительное, но и местоимение, прилагательное, числительное, причастие. Например: Человек оказался не им, а ею; считался сильным; был вторым; притворился спящим.

3. С одним членом предложения мы имеем дело в случаях типа: Барыня бродит такая унылая; Я вскочил с постели бодрый; Вернулся в родную деревню инженером. Во всех этих случаях перед нами – двухэлементные сказуемые, первый элемент которых выражен глаголом со значением перемещения. Этот глагол является знаменательным и способен самостоятельно сформировать сказуемое. Следовательно, причина того, что данное сочетание неразложимо, заключается не в первом, а во втором элементе.

При иной трактовке член предложения унылая можно считать инверсированным определением, оторванным от определяемого слова. Таким образом, применительно к нашему определению действуют два фактора обособления – инверсия и оторванность от определяемого слова. Значит, если унылая – определение, то это обособленное определение. Иначе говоря, определение унылая должно быть интонационно отделено от предложения. Но на самом деле этого нет. Значит, перед нами – не определение. Следовательно, перед нами – сказуемое.

Возможен и другой способ доказательства того, что унылая – не определение, а элемент сказуемого. Если бы это было определение, то оно допускало бы перемещение в пределах фразы, в частности – постановку перед определяемым словом, поскольку эта позиция является для опреде-

ления стандартной. Однако в нашем примере такое перемещение невозможно: Барыня бродит такая унылая – Такая унылая барыня бродит. Значит, унылая не определение, а элемент сказуемого.

Это подтверждается, наконец, семантикой члена предложения унылая. Если бы это было определение, то оно обозначало бы постоянный признак барыни. На самом деле этот признак приписан барыне в рамках настоящего времени. Это значение сказуемого.

Обратимся, далее, к предложению Он вернулся в родную деревню инженером. Допустим, что слово инженером не входит в сказуемое. Тогда это или обстоятельство, или дополнение. Но слово инженером не обладает признаками обстоятельства: не отвечает на обстоятельственный вопрос, не допускает подстановки наречия или другой предложно-падежной формы имени существительного, не может образовать сочинительное словосочетание с морфологизованным обстоятельством (обстоятельством, выраженным наречием). Допустим, что инженером – это дополнение. С формальной точки зрения такое толкование возможно. Но оно невозможно с содержательной точки зрения: инженером не обозначает предмет, на который переходит действие, названное глаголом. Напротив, с содержательной точки зрения инженером может и должно быть истолковано как сказуемое, поскольку называет признак предмета, обозначенного подлежащим (Он инженер). То, что словосочетание вернулся инженером является сказуемым, можно доказать и с помощью трансформации: Он вернулся инженером = Он вернулся + Он инженер; Он вернулся инженером = Он инженер, и он вернулся.

4. Очень распространенными являются сочетания типа два товарища. Чем объясняется неразложимость сочетаний такого рода? Слово два в рассматриваемом словосочетании стоит в форме именительного, независимого, падежа, а слово товарища – в форме родительного, зависимого, падежа. Таким образом, грамматически слово товарища является зависимым, а слово два – подчиняющим. Если же мы подойдем к сочетанию два

товарища со смысловой (семантической) точки зрения, то обнаружим, что отношения зависимости здесь прямо противоположные: семантически главным является, конечно, слово товарища, а слово два – семантически зависимым: слово два называет количественный признак предмета "товарищ". С точки зрения смыслового веса компонентов словосочетание два товарища подобно сочетанию хорошие товарищи. С чисто формальной точки зрения подлежащим (главным, независимым членом предложения) следовало бы считать слово два, а слово товарища пришлось бы квалифицировать как дополнение. Но это противоречило бы тому пониманию подлежащего и дополнения, которого придерживается современная грамматика. Грамматические (формальные) и семантические (содержательные, лексические) признаки компонентов словосочетания два товарища противоречат друг другу. Поскольку мы придерживаемся принципов содержательной грамматики, семантический (содержательный) признак нужно рассматривать как ведущий. Вследствие этого подлежащим мы должны считать все словосочетание два товарища, а не слово два. Точнее говоря, слово сочетание два товарища осознается и квалифицируется как один член предложения (см.: Федоров, 1972; Федоров, 1963). В случае же, когда слово два стоит не в форме именительного, а в форме косвенного падежа (например: Вспомнили двух товарищей), сочетание двух товарищей является свободным, членимым. Слово двух выступает как самое обычное определение при дополнении товарищей. Двух товарищей ничем не отличается от старых товарищей.

К этому же типу относятся сочетания пять студентов, сто казаков, тысяча вагонов; несколько (много) студентов, множество (большинство) людей, стая птиц, стадо коров, рой пчел, пучок травы. Неразложимые сочетания с зависимыми существительными образуют также слова про́пасть, капелька, кусок, щепотка, горсть, охапка; грамм, килограмм, метр, кубометр и др.

5. Синтаксически неразложимыми являются словосочетания типа один

из студентов, трое из слушателей, каждый из нас. Неразложимость этих словосочетаний объясняется так же, как и неразложимость сочетаний типа два товарища. В рассматриваемых словосочетаниях грамматически главным словом является первое, а семантически главным – второе.

Такие словосочетания употребляются, "когда необходимо наименовать один или несколько предметов, выделяющихся среди подобных, аналогичных ..." (Золотова, 1965, с. 77).

6. К синтаксически неразложимым словосочетаниям относятся также сочетания со значением совместности: отец с сыном, мать с дочерью, брат с сестрой (при условии, что глагол-сказуемое имеет форму множ. числа: Отец с сыном отправились на рыбалку). Форма множественного числа глагола-сказуемого указывает на отнесенность сказуемого не к слову отец, а ко всему сочетанию отец с сыном. Следовательно, сочетание отец с сыном является по отношению к глаголу-сказуемому одним членом предложения – подлежащим.

Такие сочетания обозначают "совокупность двух (или нескольких, но при этом объединенных таким образом, что сохраняются два компонента) предметов, из которых второму принадлежит несколько зависимое, подчиненное, второстепенное место..." (Золотова, 1965, с. 77).

7. Распространенной разновидностью неразложимых словосочетаний являются словосочетания типа (шкаф) красного дерева, (человек) высокого роста, (чернильница) причудливой формы. Неразложимость подобных словосочетаний объясняется семантической неопределенностью существительных, которые называют обязательные признаки предметов. Эти обязательные признаки не могут выполнять различительную функцию: шкаф всегда (или почти всегда) бывает из дерева, человек не может быть лишен роста, чернильница – формы. Таким образом, можно утверждать, что существительные дерева, роста, формы не способны выступать в качестве определения при других существительных в силу своей смысловой недостаточности. Сформировать определение они могут только вместе с

зависимыми словами, вносящими в высказывание необходимый минимум информации: красного дерева, высокого роста, причудливой формы.

В других функциях все рассмотренные словосочетания выступают как свободные, членимые: В мастерской не было красного дерева; Высокий рост спортсмена привлекал к нему всеобщее внимание; Эта старинная чернильница отличалась своей причудливой формой.

Иногда существительное может быть опущено, а в качестве определения выступает уже одно прилагательное: человек высокого роста – высокий человек, человек пожилого возраста – пожилой человек, стихи моего сочинения – мои стихи, ящик небольшого объема – небольшой ящик. В ряде случаев неразложимое словосочетание может быть заменено сложным прилагательным, образованным на базе этого словосочетания: клубника первого сорта – первосортная клубника, мужчина сорока лет – сорокалетний мужчина, девушка с голубыми глазами – голубоглазая девушка, человек с бледным лицом – бледнолицый человек. Обе трансформации являются доказательством неразложимости рассматриваемых словосочетаний.

От словосочетания человек с бледным лицом принципиально отличается сочетание человек с длинными усами: если словосочетание с бледным лицом является неразложимым, то сочетание с длинными усами – разложимое. Усы – это необязательный признак. Из этого следует, что существительное усы обладает смысловой достаточностью и способно само по себе сформировать определение.

Семантическая неопределенность (неполноценность) подчиняющего слова делает неразложимыми сочетания типа счастье без угла (Счастье без ума – что дырявая сума).

8. Если существительное выступает в метафорическом значении и непонятно без зависимого слова, то оно образует с последним неразложимое словосочетание: копна волос, шапка кудрей, стволы дыма. Так же квалифицируется сочетание типа начало сентября, конец декабря.

9. Особой разновидностью неразложимых словосочетаний являются словосочетания типа кто-то другой, нечто непонятное, что-то забавное. Смысловый вес местоимения недостаточен для того, чтобы оно само по себе сформировало член предложения. Необходимый минимум смысла возникает лишь при присоединении к местоимению второго, рядом стоящего компонента. Если местоимение опустить, то существенного изменения смысла не произойдет: Я увидел там нечто непонятное – Я увидел там непонятное.

10. Как неразложимые рассматривает современная грамматика сочетания типа рано утром, поздно ночью, однажды вечером.

Если допустить, что приведенные сочетания свободные, то перед нами должны быть пары однородных обстоятельств времени. Однако эти слова не находятся в отношениях логической однородности, что находит свое выражение в интонации и в невозможности вставки сочинительного союза ("рано и утром"). Между этими словами нет также и отношений уточнения ("рано, утром" или "рано, то есть утром"). Таким образом, перед нами – единые обозначения определенной временной точки.

11. Как неразложимые есть основания рассматривать и словосочетания типа (дорога) туда и обратно. При первом взгляде на такое словосочетание может возникнуть мысль, что оно подобно сочетанию (говорит) громко и весело, т.е. является свободным. Более пристальный анализ, обнаруживает, однако, существенную разницу между такими словосочетаниями. Если сочетание (говорит) громко и весело можно представить в виде суммы компонентов (говорит) громко и (говорит) весело, то в случае (дорога) туда и обратно это невозможно, так как туда и обратно воспринимается как единая, целостная характеристика дороги. Со смысловой точки зрения сочетание дорога туда и обратно близко к сочетанию двойная дорога. Таким образом, синтаксическая неразложимость сочетания (дорога) туда и обратно мотивирована семантикой.

Многие грамматисты к синтаксически неразложимым словосочетаниям относят также сочетания я сам, все мы, все это, все четверо. Но вряд ли

это верно. Местоимения сам и весь естественнее рассматривать как самостоятельные члены предложения – обстоятельство и определение. В пользу этого говорит возможность их опущения без серьезного ущерба для смысла. Я, мы, это, четверо являются полнозначительными словами, вполне способными самостоятельно сформировать отдельный член предложения.

Таковы основные типы синтаксически неразложимых словосочетаний в русском языке.

Что касается фразеологических словосочетаний, то они (сращения и единства) не допускают синтаксического членения и выступают в функции одного члена предложения. Например: Целыми днями он бьет баклуши; Щенок мчался на зов сломя голову; Стояло бабье лето. Фразеологические же сочетания и выражения (трескучий мороз, крошечная тьма, потупил голову; Любви все возрасты покорны) синтаксически разложимы, что объясняется семантически: каждый компонент этих фразеологизмов имеет собственный смысл, свободно отграничиваемый от смысла соседнего компонента.

Другую ситуацию мы наблюдаем в фразеологических сочетаниях типа принять участие. Первый компонент такого рода фразеологизмов выполняет полуслужебную роль, не является полнозначительным словом и, естественно, не может быть осмыслен как самостоятельный член предложения. Каждый такой фразеологизм выражает не два понятия, а одно, о чем, кстати, свидетельствует возможность замены фразеологизма одним глаголом: принять участие = участвовать, дать согласие = согласиться, выразить протест = опротестовать, принести извинения = извиниться, наложить запрет = запретить, внушить страх = утратить и т.д. Сочетания типа принял участие выступают в предложении в качестве простого (одноэлементного) сказуемого.

Вопросы для самопроверки

I. Что такое синтаксически разложимые и синтаксически неразложимые словосочетания?

2. Перечислите основные разновидности синтаксически неразложимых словосочетаний.
3. Объясните причины их неразложимости.

О "семантическом синтаксисе"

Известно, что школьный и вузовский курсы русского языка вообще и синтаксиса – в частности строятся на структурно-семантической основе (см.: Москальская, 1974, с. 4; Бабайцева, 1975; Бабайцева, 1980; Бабайцева, 1983; Бабайцева, 1988, с. 16; Чесноков, Чеснокова, 1989, с. 117). Это значит, что все факты языка (и факты синтаксиса) характеризуются и с точки зрения формы, и с точки зрения содержания (и с точки зрения структуры, и с точки зрения семантики). Структурно-семантический синтаксис, соотносящий субъект с подлежащим, предикат – со сказуемым, объект – с дополнением, атрибут – с определением, сирконстант – с обстоятельством и т.д., правильно отражает реальное положение вещей в языке и поэтому принят на вооружение современной лингвистикой, высшей и средней школой. Попытки отдельных лингвистов разбить синтаксис на конструктивный (структурный, формальный) и т. н. семантический бесперспективны, так как изолированное рассмотрение синтаксической формы и синтаксического содержания практически невозможно. Еще важнее то, что потребитель синтаксической теории нуждается в синтаксисе, рассматривающем форму и содержание в их единстве.

Т. В. Шмелева начинает свой "Семантический синтаксис" признанием, что это малоисследованная область знаний. С этим суждением нельзя не согласиться. Вопросов здесь гораздо больше, чем ответов на них.

Не случайно теория семантического синтаксиса не отражена ни в вузовских программах по современному русскому языку, ни в действующих вузовских учебниках. Исключением является лишь "Современный русский язык" под редакцией В. А. Белошапковой (М., 1989. – С. 675–695).

Семантический синтаксис В. А. Белошапковой опирается на следующие посылки.

1) По мнению В. А. Белошапковой; важнейшая черта современной семасиологии – "глобальный подход к значению без ограничивающего стремления отделить в нем грамматическое от лексического и заниматься тем и другим по отдельности, рассматривая их как принципиально разные типы значения, сосуществующие в содержании значимой единицы языка. На этой основе происходит сближение учения о лексической семантике и семантического синтаксиса" (с. 676).

Стоит ли говорить, что с этим утверждением невозможно согласиться? Нельзя утверждать, что для современной семасиологии характерен "глобальный подход к значению", отказ от разграничения лексических и грамматических значений. Дело обстоит прямо противоположным образом. Современная семасиология не только стремится, но и умеет различать лексические и грамматические значения. Мало этого. Среди лексических значений она разграничивает прямые и переносные, главные и второстепенные, производящие и производные, мотивированные и немотивированные и многие другие, а среди грамматических – морфологические и синтаксические. Если эти значения уже обнаружены и признаны как языковая реальность, то кто и на каком основании может от них отказаться, объявить их несуществующими? Наука не может двигаться вспять. Прогресс науки – это движение вперед, а не назад. Это во-первых. Во-вторых, требует обсуждения вопрос о сближении лексической семантики и семантического синтаксиса. По мнению В. А. Белошапковой, "в семантическом синтаксисе это проявляется в том, что при изучении значения предложения привлекается лексическая семантика входящих в предложение слов, прежде всего тех, которые составляют его предикативный центр. Таким образом, изучение смысловой организации предложения в современной науке ведется и со стороны лексикологии (лексической семантики), и с позиций собственно семантического синтаксиса" (с. 677). Этот тезис тоже не-

приемлем. Предложение, понимаемое как структурная схема высказывания, безразлично к конкретной, лексической семантике входящих в него слов. Например, высказывания Сосед ушел, Брат ушел и Друг ушел, Сосед ушел, Сосед уехал и Сосед улетел, Сосед ушел и Ушел сосед являются речевыми (лексическими) вариантами (репрезентантами) одного предложения, одной структуры – П + Ск. Синтаксис может и должен учитывать семантику входящих в предложение слов (как представителей соответствующих ЛСГ), но он не может включать ее в значение предложения. Синтаксическая семантика не может отождествляться с семантикой лексической. Как пишет на другой странице сама В. А. Белошапкова, "семантическая структура предложения – это содержание предложения, представленное в обобщенном, типизированном виде..." (с. 691). Подчеркнем: "в обобщенном, типизированном виде"!

Теоретики же "семантического синтаксиса" сознательно или бессознательно игнорируют это положение. Так, многие участники новосибирского семинара 1990 года "Аспекты смысловой организации высказывания" анализировали "высказывания со значением странности", "высказывания о любви", ситуацию "внутренней жизни человека", "ситуацию дождя", семантику чрезмерности, намеренности / ненамеренности, произвольности / непроизвольности и т. д. До какой же степени конкретности могут "опуститься" "семантические синтаксисты"? Они уже "опустились" до небольших ЛСГ. Еще один шаг – и "семантический синтаксис" вовлечет в орбиту своего влияния индивидуальные лексемы, т.е. попытается полностью поглотить лексическую семантику.

Известно, что грамматические значения выражаются с помощью того или иного грамматического средства. Значит, синтаксические значения должны быть выражены с помощью того или иного синтаксического средства (окончаний, служебных слов, порядка слов и интонации). Значения, не выраженные синтаксически, не являются синтаксическими. Выражены ли синтаксически значения дождя и любви? Понятно, что нет. Так почему же их относят к сфере синтаксиса?

2) "Для сближения синтаксиса и лексикологии, – пишет В. А. Белошапкова, – найдены теоретические основания. Анализ семантики предложения выдвинул положение о том, что в одном из своих аспектов предложение, подобно слову, является номинативной единицей" (с. 677). "Различие между словом и предложением в номинативном плане усматривается в том, что предложение – сложный, полный знак, непосредственно соотнесенный с событием, ситуацией, слово же – знак частичный, соотносимый с ситуацией только при включении его в предложение" (с. 677).

Согласиться с этой гипотезой невозможно. Как известно, любая знаковая система предполагает ее многократное использование, т.е. обладает признаком воспроизводимости. Соответственно, признаком воспроизводимости обладает и элемент знаковой системы – знак. Слово этим признаком обладает и является знаком, а высказывание – нет. Высказывание – это не знак, а свободная, имеющая автора комбинация знаков, создаваемая по поводу и рассыпающаяся сразу же после коммуникативного акта. Можно ли, например, считать знаком русского языка высказывание Сегодня – 1 октября 1995 года? Понятно, нет. Это высказывание не входит в язык на правах готовой единицы, принадлежащей всем носителям языка, а построено конкретным человеком (автором этих строк) применительно к конкретной ситуации и рассыпается сразу же после коммуникативного акта. Все слова, включенные в это высказывание, сохраняют самостоятельность и включаются тем же человеком и миллионами других людей в миллионы и миллиарды других высказываний; напр.: Сегодня – 2 октября 1995 года, Сегодня - 3 октября 1995 года, 1 октября 1995 года было очень тепло, Октябрь – второй месяц осени и т.д. до бесконечности. Язык состоит из слов, а не из высказываний.

Вспомним, далее, что выполнять номинативную функцию – значит обозначать предмет (класс однородных предметов) и выражать понятие о нем (см.: Солнцев, 1977, с. 256). Следовательно, номинативную функ-

цию выполняют слова, а не высказывания. Высказывания выполняют коммуникативную функцию. Слово называет – высказывание сообщает. Слово выражает понятие, высказывание – суждение (умозаключение). Понятия (в принципе) являются общим достоянием, суждения (умозаключения) – это конкретные мысли конкретных людей (см.: Фоменко, 1990, с. 86–99).

Номинативное значение – значение лексическое. Значение предложения – грамматическое. Следовательно, номинативность предложению не свойственна.

Денотатом знака является предмет (класс однородных предметов), вещь, некая константная субстанция, но не может быть ситуация (событие), поскольку ситуация конкретна, и число ситуаций бесконечно. Бесконечно число ситуаций – бесконечно число высказываний. Например: Сегодня – 1 октября 1995 года, Сегодня – 2 октября 1995 года, Сегодня – 3 октября 1995 года и т. д. до бесконечности. Однако знаковая система, состоящая из бесконечно большого числа знаков, невозможна. С другой стороны, следуя логике В. Г. Гака, Н. Д. Арутюновой и В. А. Белошапковой, знаком полагалось бы объявить даже не высказывание, а целый текст (например, "Войну и мир"). Вот до какого абсурда доводит нас обсуждаемая посылка.

Таким образом, те "теоретические основания", которые В. А. Белошапкова пытается подвести под "здание" своего "семантического синтаксиса", не выдерживает самой либеральной и снисходительной критики. Семантический синтаксис, отождествляемый с лексической семантикой, оказывается построенным на песке.

3) В учебнике под редакцией В. А. Белошапковой не разграничиваются, а часто отождествляются понятия языка и речи, предложения и высказывания.

С одной стороны, предложение понимается как структурная схема, модель, формула (с. 598). С другой стороны, в понятие предложения включается и его лексическое наполнение (с. 714), а следовательно, и кон-

кретный смысл ("вещественное содержание" – с. 676). В то же время давно уже стало прописной истиной, что конкретный смысл конкретных высказываний не может быть предметом синтаксиса,

не может считаться явлением языка. Синтаксис, как и любая другая наука, стремится (и не может не стремиться) к обобщениям. Предмет синтаксиса – не бесконечное число конкретных сообщений, а ограниченное, обозримое число отвлеченных правил их построения, формул, структурных схем предложений.

Итак, в соответствии с традицией термином предложение целесообразно называть абстрактные структурные схемы (формулы, модели), а термином высказывание (фраза) – минимальное конкретное речевое произведение, имеющее структуру, лексическое наполнение и смысл. Структурные схемы входят в язык, высказывания находятся за его пределами. Ни смысл фраз, ни их конкретное лексическое наполнение в синтаксисе рассматриваться не должны. Иначе говоря, в результате анализа очень большого числа высказываний синтаксист стремится получить информацию об ограниченном числе их структурных схем. С точки зрения синтаксиса, высказывания Отец вернулся, Солнце зашло, Человек мыслит и др. под. представляют собою одну и ту же синтаксическую единицу – простое двусоставное предложение, обозначающее активное действие какого-либо субъекта.

Предложение относится к высказыванию, как инвариант к варианту. Предложение – это грамматический инвариант множества высказываний, высказывание – это один из многих речевых вариантов предложения.

Интересна трансформация взглядов В. Г. Гака на высказывание. Если в 1967 году он объявил высказывание единицей языка (и эту точку зрения взяла на вооружение В. А. Белошапкова), то в 1981 году в книге "Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис" термин высказывание он вообще не использует. Надо думать, сам В. Г. Гак отказался от своей странной гипотезы, а некоторые его последователи поднимают эту гипотезу на щит.

Что представляет собой синтаксическая семантика (семантика предложения)? Поскольку смысл высказывания находится за пределами языка, поскольку в состав языка входят лишь структурные схемы предложений, постольку семантика предложения должна быть значением структурной схемы. Поскольку структура предложения отражает структуру ситуации, постольку значение структурной схемы должно представлять собой комбинацию значений ее компонентов – членов предложения, отражающих компоненты ситуации. Значения членов предложения следует описывать не в терминах индивидуальных лексем, не в терминах лексических микрогрупп и даже не в терминах частей речи, а в терминах таких обобщающих понятий, как субъект, объект, предикат, атрибут, инструмент, локальный, временной и т.д. определители. Можно согласиться с мнением Т. В. Шмелевой, что "схемная семантика есть результат обработки синтаксической системой лексической семантики и грамматической семантики морфологических форм" (Шмелева, 1978, с. 360).

В. А. Звегинцев пишет: "Предложение отвлекается от всякого их (лексических значений. – Ю. Ф.) содержания и устанавливает между словами связь исключительно на основе грамматических качеств слов, из которых оно составляется, можно сказать, что предложение не знает никакого "содержания" в указанном смысле, но только реализует грамматические качества конструирующих его слов" (Звегинцев, 1962, с. 382).

Именно о грамматических значениях предложения говорится в школьном учебнике русского языка.

В учебнике под редакцией В. А. Белошапковой глава 7 "Смысловая организация простого предложения" полностью оторвана от главы 5 "Формальная организация простого предложения". Содержание предложения, по мнению В. А. Белошапковой, состоит из "объективных" и "субъективных" значений. "Объективные значения выражаются лексическими средствами, их носители – знаменательные слова; субъективные же тяготеют к выражению

средствами грамматики..." (с. 685). Из сказанного следует, что содержание предложения полностью включает в себя грамматические и лексические значения входящих в него слов, т.е. совпадает со смыслом высказывания, хотя он единодушно признается внелингвистическим образованием (Н. И. Жинкин, В. А. Звегинцев, Й. Домбровский, Э. Бенвенист, Ф. Р. Данеш и К. Гаузенблас, Н. А. Слюсарева, В. М. Солнцев, А. В. Бондарко и др.), и что к синтаксической форме предложения относится конкретный лексический материал – "знаменательные слова" (что означает неразграничение предложения и высказывания, синтаксиса и лексики, языка и речи, общего и частного, абстрактного и конкретного). В главе же 5 "Формальная организация простого предложения" говорится о главных и второстепенных членах предложения и о его структурной схеме, т.е. конкретный лексический материал к форме предложения не относится.

(Попутно заметим, что противопоставление лексических значений грамматическим как "объективных" "субъективным" по меньшей мере вызывает вопросы.)

Представленный на страницах анализируемого учебника "семантический синтаксис" не вписан ни в контекст этого учебника, ни в общий контекст современной лингвистики. Случайно ли то обстоятельство, что ни в одном учебнике, кроме учебника под редакцией В. А. Белошапковой, нет раздела "Семантический синтаксис"? Как представить этот материал в вузе и школе, если он совершенно неясен для исследователя?

Известно, что критерий истины – практика, а критерий истины в лингвистике – практика преподавания языка. Практика преподавания языка показывает адекватность традиционного структурно-семантического синтаксиса. Именно этот синтаксис находит отражение на страницах школьного учебника. Именно он отвечает потребностям изучающего язык – знакомит его с формой и содержанием синтаксических явлений в их единстве. Попытки отдельных вузовских преподавателей заменить традиционный (научный) синтаксис "семантическим" (в той его интерпретации, о кото-

рой шла речь) приводят к драматическим результатам. Студенты не понимают предлагаемые им полные ошибок и противоречий построения и вынуждены просто зазубривать материал в ужасе перед предстоящим экзаменом. Адекватное сознание студентов сопротивляется неадекватным понятиям.

Подводя итоги наших рассуждений о "семантическом синтаксисе", можно сказать следующее.

Нужно четко различать язык и речь, номинацию и коммуникацию, предложение и высказывание, синтаксис и лексику, значение и смысл, грамматические и лексические значения. Синтаксис как раздел грамматики должен изучать грамматические (синтаксические) значения, а не значения лексические. Синтаксическое значение не следует отрывать от синтаксической формы (поскольку содержание и форма необходимо предполагают друг друга), а семантический синтаксис – от синтаксиса конструктивного (структурного, формального). Нужно изучать не "семантический синтаксис", а синтаксическую семантику, научный (структурно-семантический) синтаксис.

Вопросы для самопроверки

1. Перечислите постулаты, на которые опирается "семантический синтаксис" В. А. Белошапковой.
2. Можно ли согласиться с тем, что важнейшая черта современной семиологии – "глобальный подход к значению без ограничивающего стремления отделить в нем грамматическое от лексического"?
3. Можно ли считать предложение номинативной единицей языка?
4. Можно ли включать в предложение его лексическое наполнение, конкретный смысл?
5. Какое содержание следует вкладывать в термины предложение и высказывание?
6. Что представляет собой синтаксическая семантика (семантика предложения)?

О структурной схеме предложения

Компонентами структурной схемы предложения Н. Ю. Шведова по непонятной причине считает только главные члены – подлежащее и сказуемое. Второстепенные ("распространяющие") члены остаются за пределами структурной схемы предложения, хотя они, как пишет сама же Н. Ю. Шведова, участвуют "в формальной организации предложения" (РГ, с. 91) и в выражении его значения.

В структурную схему предложения "РГ" включает только главные члены, которых не бывает больше двух, а категориями ее семантики считает субъект, предикативный признак и объект (РГ, с. 87). В то же время сообщается (РГ, с. 128), что значение объекта свойственно, как правило, второстепенным ("распространяющим") членам. Следовательно, "распространяющие" члены все-таки входят в структурную схему предложения? Должны ли лингвисты сводить концы с концами?

К сказанному добавим, что если глагол-сказуемое имеет сильную валентность, то прямое или косвенное дополнение (или обстоятельство) при нем является обязательным. Например: Фермер строит дом, Мальчик увлекается шахматами, Дом расположен внизу. Можно ли обязательные второстепенные члены считать необязательными, выводить их за пределы структурной схемы?¹ Перед нами – волюнтаризм чистой воды.

О характере грамматической связи сказуемого с подлежащим

Общепринятой является точка зрения, согласно которой сказуемое формально-грамматически подчиняется подлежащему, согласуется с ним. Например, в "Грамматике русского языка" мы читаем: "В двусоставном предложении основным способом выражения грамматических отношений между главными членами предложения является согласование сказуемого с подлежащим" (Грамматика русского языка, с. 490). "При сочетании ска-

¹ В структуру предложения должны входить "имена всех предметов, занимающих места в данном отношении, и имя отношения (глагол и другие формы)" (Ломтев. 1969. с. 58).

зуемого с подлежащим наблюдается: 1) согласование: а) полное, б) неполное; 2) нарушение и отсутствие согласования" (Гвоздев, 1958, с. 64). Например: 1а) Начался дождь, 1б) Квартира стала просторной; 2) Вы храбрец; Курить вредно.

Однако в последние годы некоторые синтаксисты упорно пропагандируют мысль о так называемой координации между подлежащим и сказуемым. Так, В. А. Белошапкова считает, что подлежащее "должно быть определено как член предложения, находящийся во взаимозависимости со сказуемым: определяющий форму сказуемого со стороны согласовательных категорий и сам по требованию сказуемого имеющий форму именительного падежа существительного" (Белошапкова, 1977, с. 135).

Итак, по мнению В. А. Белошапковой, сказуемое согласуется с подлежащим в роде, числе и лице (Белошапкова, 1989, с. 611), но управляет подлежащим в падеже. Однако эта гипотеза расходится с современными представлениями о природе именительного падежа и об управлении. Известно, что именительный падеж единодушно понимается как независимая форма имени, как "форма субъекта действия" (Виноградов, 1947, с. 171), но не как форма управления. "В индоевроп. языках У. обнаруживается гл. обр. в присоединении к главенствующему слову предложной или беспредложной словоформы существительного (местоимения) в определ. косвенном падеже" (ЛЭС, 1990, с. 537).

Эта гипотеза не подтверждается и с точки зрения механизма речеобразования. Подлежащее – это имя предмета, а сказуемое – имя его признака. Как признак предмета зависит от предмета, так и сказуемое зависит от подлежащего. Говорящий сначала определяет предмет, о котором он хочет сделать сообщение, а уже потом принимает решение о признаке этого предмета, который (признак) он желает подчеркнуть. Соответственно он сначала выбирает имя предмета, а затем – имя признака. Естественно, что имя признака подчиняется имени предмета. Оно согласуется с ним лексически (семантически) и грамматически. Напри-

мер: Снег белый; Поезд идет; Самолет приземлился. "Кому приходило в голову признак объявить главным элементом отношения, а предмет, которому признак принадлежит, – зависимым?" (Березик, Головин, 1979, с. 185).

Прилагательное согласуется с существительным и тогда, когда занимает позицию определения (зеленая трава, зеленый дуб, зеленое дерево), и тогда, когда занимает позицию сказуемого (Трава зеленая, Дуб зеленый, Дерево зеленое).

Можно ли допустить, что сначала говорящий выбирает определенную форму сказуемого, а уже потом приспособливает к ней форму подлежащего? Например: Белая ... снег (?); Идут ... поезд (?); Приземлилась ... самолет (?).

Идея зависимости сказуемого от подлежащего входит в само понятие сказуемого. В энциклопедии "Русский язык" мы читаем: "Сказуемое – главный член двусоставного предложения, обозначающий предикативный признак (действие, состояние, свойство), отнесенный к носителю, названному подлежащим..." (Рус. яз.: Энци., 1979, с. 293). Соответственно о подлежащем говорится: "Подлежащее – главный член двусоставного предложения..., выраженный им. п. имени или инфинитивом... и обозначающий носителя того признака (действия, состояния, свойства), к-рый назван другим главным членом – сказуемым..." (Рус. яз.: Энци., 1979, с. 212).

Таким образом, гипотеза координации подлежащего и сказуемого не имеет ничего общего с реальностью. Сказуемое грамматически подчиняется подлежащему, согласуется с ним. Это было понятно уже в XVIII веке. Это знает каждый школьник. В действующем школьном учебнике мы читаем: "Простое глагольное сказуемое... согласуется с подлежащим". О том же пишут в учебнике для 5–9 классов общеобразовательных учеб-

ных заведений "Русский язык: Теория" В. В. Бабайцева и Л. Д. Чеснокова. Об абсолютной независимости подлежащего и зависимости от него сказуемого пишут А. Н. Гвоздев, П. А. Лекант, Е. Н. Ширяев и многие другие – практически все лингвисты. Е. Н. Ширяев справедливо утверждает, что "в предикативной основе слова соединяются на основе тех же форм связи, что и в словосочетании" (Рус. яз. Ч. II, 1989, с. 200; выделено автором. – Ю. Ф.).

Координации (взаимной зависимости) нет даже в случаях типа Я заплакал – Я заплакала. Форма рода глагола-сказуемого избирается в зависимости от пола лица, на которое указывает местоимение я.

В чем причина ошибки, которую допускает В. А. Белошапкова? Может быть, в том, что В. А. Белошапкова отождествляет подчинительную связь согласование с атрибутивными отношениями. Между сказуемым и подлежащим имеют место предикативные отношения. Значит, делает вывод В. А. Белошапкова, связь сказуемого с подлежащим нельзя назвать согласованием. Но синтаксическую связь и синтаксические отношения отождествлять нельзя. Синтаксическая связь – это синтаксическая форма, синтаксические отношения – это синтаксическое содержание. Синтаксическая форма (как и форма вообще) может быть дву- (много-) значной. Согласование используется и для выражения атрибутивных, и для выражения предикативных отношений. Например: Зеленая трава – Трава зеленая.

Согласованию сказуемого с подлежащим посвящены специальные статьи Ю. Т. Долина "еще раз о грамматической связи сказуемого с подлежащим" (Рус. яз. в школе. – 1982. – № 5. – С. 63–66) и Ф. Г. Коровина "О синтаксической связи между подлежащим и сказуемым в современном русском языке" (Русский язык: единицы разных уровней и закономерности их функционирования. – Бишкек, 1991. – с. 15–17). Рассмотрев литературу вопроса и реальные факты языка, Ф. Г. Коровин заключает: "Таким образом, мы пришли, как говорится, на круги своя" (с. 16): между

сказуемым и подлежащим имеют место отношения (связь) согласования.

Итак, с формально-грамматической точки зрения сказуемое зависит от подлежащего, подчиняется ему, согласуется с ним¹. С содержательной же точки зрения сказуемое есть основания считать центром предложения, поскольку подлежащее приспособлено для выражения темы, а сказуемое – для выражения ремы (см., напр.: Попов, 1974, с. III).

Подлежащее можно называть конструктивно главным, а сказуемое – информативно главным членом предложения². Они предполагают друг друга и невозможны друг без друга. Поэтому они оба считаются и являются главными членами предложения и образуют его грамматическую основу

Вопросы для самопроверки

1. Какая связь имеет место между сказуемым и подлежащим?
2. Подтверждают ли факты языка гипотезу о взаимной зависимости (координации) сказуемого и подлежащего?

О второстепенных и "распространяющих" членах предложения. О т.н. "детерминантах"

Полнозначное слово само по себе или вместе с предлогом, связанное с другими полнозначными словами, является членом предложения. Каждое членимое предложение состоит из одного или нескольких членов. Члены предложения делятся на главные и второстепенные. Главными членами предложения являются подлежащее и сказуемое, второстепенными – определение, дополнение и обстоятельство. Например: В день рождения друг подарил мне нашумевшую книгу.

Понятия главных и второстепенных членов являются соотносительными и невозможны друг без друга. Если синтаксист признает главные члены предложения, то он должен признавать и второстепенные. Однако Н. Ю. Шведова предложила отказаться от понятия второстепенных членов (и заменить их "распространяющими" членами), поскольку "границы между разными "второстепенными членами" часто оказываются не только нечеткими, но и вообще неопределенными" (РГ, с. 91). "Принятое в "Русской грамматике" деление всех членов предложения", полагает Н. Ю. Шведова, позволяет охарактеризовать их "с двух необходимых точек зрения: со стороны их участия в формальной организации предложения и со стороны их значения" (РГ, с. 91). Но ведь и понятия второстепенных членов тоже строятся с учетом их формально-грамматических и семантических признаков. Что касается диффузности значения, то она

¹ Сказуемое также может управляться подлежащим и примыкать к нему См.: Чеснокова, 1980, с. 16.

² См.: Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – с. 455.

в равной степени свойственна и "распространяющим" членам и вообще объясняется не упущениями теории, а самой природой членов предложения. Теория "распространяющих" членов отличается от теории второстепенных членов не бóльшей адекватностью (точностью, научностью), а явным креном в морфологизм и логической неупорядоченностью.

В последние годы Н. Ю. Шведова (и несколько ее последователей) активно пропагандирует понятие "детерминантов". "Детерминантами" она называет второстепенные ("распространяющие") члены, относящиеся ко всему предложению в целом. В "Русской грамматике" 1980 года мы читаем: "Предложение любого грамматического строения может – все в целом иметь при себе распространяющий член предложения. Таким распространителем служит падежная форма имени, наречие, деепричастие (одно или с относящимися к нему словоформами), союзное введение (с как, словно и другими сравнительными союзами). Распространитель, относящийся ко всему составу предложения и не связанный ни с каким отдельным его членом, называется детерминирующим членом предложения, или детерминантом" (РГ, с. 149; выделено Н. Ю. Шведовой. – Ю. Ф.). "...Он связан с предложением свободным присоединением, внешне сходным с примыканием, но отличающимся от него своим неприсловным характером" (РГ, с. 149). "Детерминанты" могут иметь значения субъекта, объекта и обстоятельства. Например: Нам здесь не пройти (РГ, с. 151), Путникам снег по колено (РГ, с. 151), От стен отдает холодом (РГ, с. 152), Этому чаю не достает аромата (РГ, с. 153), На мне – грандиозная ответственность (РГ, с. 154), Здесь его любят (РГ, с. 155), В народе ценят юмор (РГ, с. 156), О письме мне известно (РГ, с. 158), Чего вы от него хотите? (РГ, с. 158), Минутами на путников находил страх (РГ, с. 160), Мимо дома гремят трамваи (РГ, с. 160), Ввиду износа агрегат заменен (РГ, с. 160), В поисках старых рукописей ученый объездил всю страну (РГ, с. 161), В работе молодежь обгоняет ветеранов (РГ, с. 161), В заботах о доме мать не знает покоя (РГ, с. 162) и т. п.

Наивный читатель, видящий во всех этих и других подобных фразах слабоуправляемые (а иногда и сильноуправляемые; напр.: Чего вы от него хотите?) дополнения и слабоуправляемые и примыкающие обстоятельства, с нетерпением ждет, когда же наконец Н. Ю. Шведова покажет ему, что детерминанты – это языковая реальность, которую нельзя не принять, что детерминанты имеют специфические признаки как в плане содержания, так и в плане выражения. Но вот он прочитал весь раздел – и в недоумении обнаружил, что никаких доказательств нет. Детерминанты не имеют свойственное только им отвлеченное значение. Детерминанты не характеризуются свойственными только им способами морфологического выражения. Правда, читатель на первых порах может подумать, что специфика детерминирующих членов заключается в том, что они связаны с предложением "свободным присоединением, внешне сходным с примыканием, но отличающимся от него своим неприсловным характером" (РГ, с. 149) Однако при внимательном прочтении начала раздела о детерминантах читатель обнаруживает элементарный логический круг: предложение может иметь при себе распространяющий член предложения; специфика этого члена предложения заключается в том, что он относится ко всему предложению в целом.

Попытаемся проверить, действительно ли те второстепенные члены, которые Н. Ю. Шведова называет детерминантами, относятся ко всему предложению в целом. Относиться ко всему предложению в целом – значит, очевидно, относиться одновременно к каждому члену предложения. Относиться к члену предложения – значит, очевидно, находиться с ним в отношениях смыслового согласования. Находиться в отношениях смыслового согласования – значит иметь повторяющиеся (общие) семы (см., напр.: Апресян, 1972; Гак, 1972, с. 367–395), занимать позиции, открываемые соответствующей валентностью подчиняющего слова (см.: Козырев, 1989, с. 108–110). (При этом важно помнить, что в отношениях смыслового согласования находятся слова, чьи денотаты непосредственно свя-

заны друг с другом). Проанализируем фразу По понедельникам музей закрыт (РГ, с. 160). Известно, что практически любое действие характеризуется с точки зрения места и времени (см., напр.: Сухотин, 1962, с. 19; Ильинская, 1941, с. 79–80; Ломтев, 1959, с. 6; Александров, 1963, с. 329; Никитин, 1964, с. 160; Гуцу-Ромало, 1963, с. 204; Апресян, 1969, с. 306), поэтому глагол открывает при себе позицию обстоятельства времени. Значит, обстоятельство времени по понедельникам непосредственно подчинено глагольной форме закрыт. Что же касается существительного музей, то в его лексическом значении нет временной семы, открывающей позицию обстоятельства времени. Следовательно, обстоятельство по понедельникам не имеет непосредственной семантической связи с существительным-подлежащим музей. И это понятно: предмет музей не имеет специфического временного признака, который бы мог выражаться с помощью обстоятельства по понедельникам. Значит, предложно-падежная форма по понедельникам является типичным обстоятельством, а не так называемым "детерминантом". Аналогичную картину мы обнаружим и во всех других фразах, фигурирующих в разделе о "детерминантах".

Бросается в глаза то обстоятельство, что все предложения, в которых Н. Ю. Шведова обнаруживает "детерминанты", состоят из 3–4 слов (По понедельникам музей закрыт). Трехсловные фразы вызывают у читателя меньше подозрений. А если мы обратимся к фразам, состоящим из большого (и очень большого) числа слов? Например: По понедельникам наш краеведческий музей, недавно переехавший в новое здание на главной улице города – Красном проспекте, закрыт. Если обстоятельство по понедельникам не связано с подлежащим музей, то оно тем более не связано со словами наш, краеведческий, недавно, переехавший, новое, в здание, главной, на улице, города, Красном проспекте.

"В предложениях, в которых присутствует глагол, – пишет Н. Ю. Шведова, – всегда есть возможность усмотреть наличие непосредственной

подчинительной связи между этим глаголом и обстоятельственным детерминантом" (РГ, с. 159). Справедливое суждение! Правда, оно требует уточнения: следовало бы сказать не "есть возможность усмотреть наличие непосредственной подчинительной связи", а "имеет место непосредственная подчинительная связь между обстоятельством и глаголом". Сделав это справедливое признание, Н. Ю. Шведова тут же снимает его: "Одним из признаков независимости (? – Ю. Ф.) детерминанта от глагола в этих случаях, – утверждает она, – может служить то, что связь, возникающая в результате соединения детерминанта с таким глаголом, не является семантически предсказуемой связью" (РГ, с. 159; выделено Н.Ю. Шведовой. – Ю. Ф.)¹ В качестве примера Н. Ю. Шведова приводит фразу Толстой в дневнике очень волновался из-за этого письма доказателен ли этот пример? Нет. Глагол волноваться ("находиться в тревожном состоянии; беспокоиться") действительно не открывает позицию места. Но ведь в данном случае он употреблен в расширительном окказиональном значении "писал, волнуясь". Сема же "писал" предусматривает при себе обстоятельную позицию места. Таким образом, указанный пример Н. Ю. Шведовой не имеет доказательной силы. Тем более это касается тех примеров, где глаголы используются в узусальных значениях: В метель все предметы странно увеличиваются (РГ, с. 160), С неделю больной не мог спать по ночам (РГ, с. 160), Снова и снова он вспоминал все пережитое (РГ, с. 160). На мосту мигнул огонек и ударил едва слыш-

1 В другой работе Н. Ю.Шведова просто апеллирует к "самоочевидности": "...Свободное присоединение детерминанта к предложению в целом самоочевидно и не может быть опровергнуто грамматической возможностью прикрепления такого распространителя к отдельному слову" (Шведова Н. Ю. К спорам о детерминантах // Филол. науки. – 1973. – № 5. – С. 69).

ный одинокий выстрел (РГ, с. 160), По случаю заносов поезда не ходят (РГ, с. 160), В поисках старых рукописей ученый объездил всю страну (РГ, с. 161), В нарушение правил в театре нет запасного выхода (РГ, с. 162) и др. под.

Известно, что обстоятельственные наречия типа *здесь* и *всегда* обозначают обстоятельства, при которых происходят действия. Из этого следует, что эти наречия должны относиться к именам действий – глаголам. Значит, в фразах типа *Здесь его любят*, *Здесь растут дубы и кедр* слово *здесь* относится не к предложению в целом, а к глаголу-сказуемому.

Еще очевиднее ситуация с деепричастиями, которые, по мнению Н. Ю. Шведовой, тоже являются "детерминантами". (Попутно заметим, что фразы с деепричастиями в главе о "детерминантах" отсутствуют. Случайно ли это?). В разделе о деепричастии той же "Русской грамматики" мы читаем: "Субъект действий, называемых деепричастием и той глагольной формой, которую оно определяет, совпадает..." (РГ, с. 672; "субъект совпадает"? – Ю. Ф.). Подчеркнем: деепричастие определяет ту или иную глагольную форму. Следовательно, деепричастие относится не к предложению в целом, а к глаголу-сказуемому (или другой форме глагола). (Кстати, если бы деепричастие относилось ко всему предложению в целом, то оно, очевидно, имело бы собственный субъект, и свободные деепричастные обороты не считались бы ошибками.)

О том, что деепричастия и наречия относятся к словам (глаголам), говорится на 13-й и 40-й страницах "русской грамматики" (и в тысячах других монографий и учебников). Обороты с как на 149-й странице названы припредложенческими, а на 39-й – приглагольными. Последнее верно. Таким образом, ни один шведовский "детерминант" не относится "ко всему предложению в целом".

В одной из работ Н. Ю. Шведова приписывает "детерминантам" такой различительный признак, как положение в начале предложения. Однако этот

признак не является обязательным, специфичным, различительным. Ср.: По понедельникам музей закрыт – Музей по понедельникам закрыт. Вообще местоположение второстепенного члена обычно не определяет его природу.

Чтобы второстепенный ("распространяющий") член относился ко всему предложению (высказыванию) "в целом", нужно, чтобы "все предложение в целом" было единым целым, воспроизводимой единицей, имеющей свою собственную валентность. Однако "все предложение в целом" не является готовой, воспроизводимой единицей языка, а значит – не имеет собственной валентности, не открывает при себе ту или иную "припредложенческую позицию"¹.

Вообще лингвист, рассуждающий о членах предложения, относящихся "ко всему предложению в целом", должен дать недвусмысленное определение понятия "относиться к" (слову, группе слов, предложению в целом). Н. Ю. Шведова, однако, не ставит этот опасный для нее вопрос.

Некорректно само понятие "все предложение в целом", поскольку высказывание – это свободная комбинация (цепочка) слов (см., напр.: Солнцев, 1977, с. 268), каждое из которых – в принципе – связано не со всеми другими словами одновременно, а с одним (иногда – двумя, несколькими).

Кроме, того, "все предложение в целом" включает в себя все члены, в том числе и т.н. "детерминант".

Как видим, раздел о "детерминантах" не стыкуется с другими разделами "Русской грамматики"; это понятие находится в непримиримом противоречии с учением о валентности, о сочетательных потенциях глаголов, существительных, наречий и деепричастий, о членении предложения, о грамматическом и смысловом (лексическом) согласовании. Понятие "детерминантов" искажает картину грамматического устройства языка. Это понятие, введенное в учебные курсы, нанесло бы серьезный урон лингвис-

¹ Т. И. Ломтев утверждает, что "синтаксические отношения существуют только между словами; они невозможны между словом и словосочетанием или предложением. Поэтому не может быть так называемых детерминантов" (Молошная Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках. – М., 1975. – С. 15).

тическому образованию студентов и школьников. Лингвистический конструктивизм Н. Ю. Шведовой должен получить объективную оценку¹.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое член предложения?
2. Какие члены предложения выделяет традиционный синтаксис?
3. Что такое детерминанты в интерпретации Н. Ю. Шведовой?
4. Произведите критический анализ этого понятия.

¹ Критический анализ понятия "детерминантов" читатель найдет также в следующих работах: Котелова Н. З. О логико-грамматическом уровне в языке // Язык и мышление. – М., 1967. – С. 130–136; Ломтев Т. П. Вторичные синтаксические отношения между словами в предложении // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сб.ст. к 70-летию чл.-кор. АН СССР В. М. Борковского. – М., 1971. – С. 174–180; Распопов И. П. О так называемых детерминирующих членах предложения // Вопр. языкознания. – 1972. – № 6. – С. 55–61; Милых М. К. О детерминантах // Филологические этюды. Сер. "Языкознание". – Р/Д, 1972. – Вып. 1. – С. 83–94; Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1970–1973 гг. Синтаксис. – М.; 1976; Грехнева Г. М. К вопросу о детерминантах // Термин и слово: Межвуз. сб. – Горький, 1978. – С. 84–91; Фоменко Ю. В. О так называемом именном примыкании // Вопросы структуры и функционирования русского языка: Тем. межвуз. сб. – Томск, 1980. – Вып. 3. – С. 110–121; Гаврилова Г. Ф. О согласовании обстоятельственных детерминантов с семантикой глагола // Исследования по семантике. Уфа 1985. – С. 116, 117 и др.; Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. – М., 1988. – С. 80–83. О неадекватности понятия "детерминант" писали А. Е. Михневич, А. А. Камынина, Е. С. Скобликова, Я. Качала, З. Д. Попова, В. Н. Мигирин и др.

О примыкании

Авторы многих учебников и учебных пособий упорно повторяют мысль о том, что примыкание "выражается только по смыслу"¹. В этом утверждении содержатся две грубые ошибки. Во-первых, смысл не является формой, способом выражения, грамматическим средством. Он относится не к плану выражения, а к плану содержания. Во-вторых, примыкание имеет грамматическую форму, использует специальные грамматические средства – порядок слов и интонацию. Примыкающее слово стоит рядом с подчиняющим словом и образует с ним единый речевой такт. Например: Он решил тотчас уехать – Он тотчас решил уехать.

Эта точка зрения нашла свое отражение в учебнике для 5–9 классов общеобразовательных учебных заведений "Русский язык" (М., 1992 и 1993) В. В. Бабайцевой и Л. Д. Чесноковой. На 164–165 страницах мы читаем: "Примыка-ние – такой способ подчинительной связи, при котором зависимое неизменяемое слово связано с главным по смыслу, а также интонацией и порядком слов: очень милый, уехал учиться, сказал волнуясь. Примыкают наречия, инфинитив и деепричастия".

О так называемом именном примыкании

Традиционному синтаксису известны три типа подчинительной связи слов в русском языке: согласование, управление и примыкание. Однако в последние годы была сделана попытка включить в эту систему еще одну разновидность подчинения – так называемое "именное примыкание"². Ка-

¹ См., напр.: Галкина-Федорук и др., 1958, с. 6; Финкель, Баженов, 1960, с. 466; Бархударов и др., 1973, с. 23; А. К. Федоров, 1978, с. 260.

² См.: Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – С.511 и 516.

В "Русской грамматике" (М., 1980. – Т. II. – С. 42) вместо термина "именное примыкание" использован термин "падежное примыкание", введенный, впрочем, М. Д. Лесник (см.: Лесник М. Д. К вопросу о приглагольном управлении в современном русском языке // К вопросу управления (приглагольного и приименного). – Рига, 1957. – С. 5–34).

кое содержание вкладывает Н. Ю. Шведова в этот термин?

"Примыкание, – пишет Н. Ю. Шведова, – это такая подчинительная связь, при которой к глаголу, имени или наречию присоединяется либо а) слово, не имеющее форм словоизменения: наречие (включая компаратив и деепричастие), неизменяемое прилагательное или инфинитив, либо б) форма косвенного падежа существительного (без предлога или с предлогом), и при этом устанавливаются отношения собственно- или обстоятельственно-характеризующие либо комплетивные" (Грамматика... – С. 511). Бросается в глаза внутренняя противоречивость этого определения (или описания) примыкания. В пункте "а" отмечается, что примыкание – это подчинительная связь, характерная для неизменяемых слов; в пункте "б" говорится, что примыкают изменяемые слова. Как примирить два этих взаимоисключающих тезиса? В пункте "а" примыкание характеризуется с формальной точки зрения – как такая подчинительная связь, при которой не используются флексии и предлоги; с содержательной точки зрения примыкание не характеризуется; в пункте "б" примыканию приписан противоположный формальный признак, а также признак содержательный ("при этом устанавливаются отношения собственно- или обстоятельственно-характеризующие либо комплетивные"). Таким образом, примыкание "б" не имеет ни одного признака, общего с примыканием "а". Иначе говоря, это разные типы связи, о чем, вероятно, догадывается и сама Н. Ю. Шведова, которая пишет: "Связь примыкания распадается на собственно примыкание (примыкание наречия, компаратива, деепричастия, неизменяемых прилагательных и инфинитива) и именное примыкание (примыкание падежных форм имени)" (Грамматика... – С. 511).

Известно, что типы подчинительной связи выделяются на формальном основании ("на основе характера связи и формальных средств выражения зависимости", – как пишет сама Н. Ю. Шведова на с. 488 "Грамматики..."), а "именное примыкание" – на семантическом, что является нарушением

логического правила деления объема понятия, поскольку при одном и том же делении необходимо применять одно и то же основание.

Что же касается самого семантического критерия, то он страдает полной неопределенностью и не дает возможности непринужденно разграничивать "именное примыкание" и слабое управление. Сравним характеристики слабого управления и "именного примыкания" в "Грамматике современного русского литературного языка": при слабом управлении "объектные, субъектные или комплетивные отношения осложнены отношениями собственно-характеризующими или обстоятельственно-характеризующими"; "при именном примыкании возобладавшим оказывается не предметное значение примыкающего имени, а атрибутивное (в широком смысле слова) значение", т.е. "собственно-характеризующее" и "обстоятельственно-характеризующее".

Нечеткость критерия разграничения слабого управления и "именного примыкания" находит свое отражение в характеристике конкретного языкового материала. Можно ли доказать, что случаи типа узнать от друга, экзаменовать по математике, возвратиться к реализму, записаться в добровольцы, обрушиться на голову, заработать на хлеб, работать за товарища, числиться за кем-нибудь, воплотить (что-н.) в романе, совершенствоваться в науке, играть на скрипке (Грамматика... – С. 520–534) относятся к так называемому "именному примыканию"?

"...Нужно учитывать, – пишет М. Д. Лесник, – что во многих случаях наречное или объектное значение косвенного падежа трудно определить точно, полешка о трудных случаях разграничения дополнения и обстоятельств продолжается и в наше время". "Добавим, что деление подчинительных связей в зависимости от объектного или обстоятельственного значения зависимого слова выглядит тем необоснованнее, что авторы "Основ..." вообще исключают из грамматики понятие второстепенных членов предложения, в том числе дополнение (объект) и обстоятельство" (Лесник, 1968, с. 65).

"...Разграничивать слабое управление и именное примыкание очень трудно", – вежливо замечают авторы "Обзора работ по современному русскому литературному языку за 1970–1973 гг. Синтаксис" (М., 1976, – С. 28).

Сама Н. Ю. Шведова рассматривает "именное примыкание" как явление, чрезвычайно близкое к слабому управлению. Недаром она считает необходимым специально указать на отличие "именного примыкания" от слабого управления. Напрашивается вывод, что "именное примыкание" является слабой связью. Но вопреки ему в самом конце § 1204, посвященного общей характеристике "именного примыкания", обнаруживаем, что "именное примыкание" может быть не только слабым, но и сильным: "Именное примыкание является слабой связью. Сильной (?! – Ю. Ф.) эта связь оказывается лишь¹ при словах, по своей семантике необходимо требующих зависимой словоформы, восполняющей их информативную недостаточность..."

Таким образом, понятие "именного примыкания" оказывается полностью лишенным какого-либо положительного содержания. Как пишет Е. С. Скобликова, "понятие примыкания не только расширяется за счет всего того, что не укладывается в понятие управления в его новой трактовке, но и вообще лишается какого бы то ни было классификационного признака" (Скобликова, 1971, с. 22).

Согласование, управление, собственно примыкание и "именное примыкание" считаются в "Грамматике" связями, возникающими в словосочетании. К "возникающим в предложении" относятся "связи, которые можно назвать аналогами согласования и управления" и "связь соположения словоформ" (с. 633), К "соположению словоформ" отнесены десять разных случаев связи, которые традиционная (можно сказать – научная)

¹ Как понять это "лишь"? Ведь понятие сильной связи как раз и базируется на том, что подчиняющее слово требует после себя зависимой словоформы.

грамматика квалифицирует как управление и примыкание. В частности, отмечено, что связь "соположение" всегда возникает при введении в предложение "детерминантов", о которых раньше говорилось, что им свойственно вступать "в связь управления (обычно – слабого) или "именного примыкания" (с. 625). Таким образом, оказывается, что предложенческая связь "соположение" реализуется в словосочетательных связях управления, примыкания и "именного примыкания" (чего, конечно, не должно быть по замыслу Н. Ю. Шведовой).

Вариацией на тему "именное примыкание" и "соположение словоформ" является "свободное присоединение предложно-падежных форм" у В. П. Малащенко (Свободное присоединение предложно-падежных форм. – Р/Д, 1972).

Какое же содержание вкладывает В. П. Малащенко в этот термин? "Грамматические средства оформления этой связи, – пишет В. П. Малащенко, – те же, что и при управлении (предложном). Нормально свободное присоединение и предложное управление совпадают. Но это качественно отличные друг от друга подчинительные связи. Предложное управление оформляет определительные отношения на уровне словосочетания, т.е. отношения между двумя понятиями, одно из которых называет предмет, явление, а другое – его признак. Свободное присоединение оформляет определительные отношения не на лексико-синтаксическом уровне, а на уровне сочетаемости структурных элементов предложения как высшей синтаксической единицы. Эта связь оформляет отношения между понятиями, объединенными предикативными отношениями, с одной стороны, и отдельным понятием – с другой, которое чаще всего называет какую-то дополнительную ситуацию как признак ситуации, составляющей содержание остальной части высказывания"¹ (Малащенко, 1972, с. 97).

¹ Обратим внимание на некоторые ошибки, имеющие место в этом пассаже. Что такое "лексико-синтаксический уровень"? Что такое "уровень сочетаемости (?) структурных элементов предложения? Что такое "дополнительная ситуация (?) как признак ситуации"? Разве понятие называет (?) какую-то дополнительную ситуацию"? Разве синтаксическая связь "оформляет отношения между понятиями"?!

Каковы же критерии разграничения предложного управления и "свободного присоединения"? Сразу скажем: сколько-нибудь строгими и надежными критериями В. П. Малащенко не располагает. Он пытается апеллировать к чутью, к "очевидности", к частотности форм – и терпит полное фиаско.

"В глагольном предложении, – пишет В. П. Малащенко, – могут употребляться различные обстоятельственные или объектные распространители, которые не являются необходимыми для раскрытия или восполнения семантики валентных глаголов¹. Если они обусловлены формулой² семантической сочетаемости глагола, их следует квалифицировать как факультативные распространители глагола, если же такие распространители не предопределены валентностью глагола, они определяются как словоформы, не зависящие от глагола" (Малащенко, 1972, с. 25).

Как же определяется валентность глаголов, "формула их семантической сочетаемости"? В соответствии с общим принципом современной теории познания, эта формула должна выводиться из конкретных фактов языка (речи), из конкретных глагольных фраз. Поскольку при глаголах наблюдаются и обязательные, и факультативные, распространители, то и те, и другие должны войти в формулу семантической сочетаемости глаголов. Однако В. П. Малащенко включает в формулу только часть факультативных распространителей, а остальные считает "не предопределенными валентностью глагола", относящими ко всему предложению в целом. Таким образом, "формула семантической сочетаемости", валентность глаголов не выводится из фактов, а накладывается на них.

На неопределенность критерия системной и несистемной связи предложно-падежной формы с глаголом уже обращали внимание (см.: Котелова, 1967, с. 134; Распопов, 1972, с. 60).

¹ Часто глаголы делятся на "валентные" и "невалентные".

² Сочетаемость глагола обусловлена его валентностью, а не "формулой сочетаемости", которую строит лингвист-теоретик.

Анализ конкретных фактов тоже не подтверждает утверждения В. П. Малащенко. Например, в сочетании позванивают в осинах В. П. Малащенко видит системно связанное с глаголом слабоуправляемое обстоятельство, а в словосочетании купят в селе – не связанный с глаголом системной связью, "свободно присоединяемый" "детерминант" (Малащенко, 1972, с. 57). Об обстоятельстве в осинах он пишет: "Пространственный распространитель здесь не так необходим (т.е. "не очень необходим", "необходим, но не очень"? И это пишет ученый?! – Ю. Ф.)... Но этот элемент предопределен (?! – Ю. Ф.) семантической валентностью данных глаголов, хотя они часто реализуют свое значение в абсолютном управлении (! – Ю. Ф.)" (Малащенко, 1972, с. 57).

Если элемент предопределен – он необходим; если же он "не так необходим" (т.е., очевидно, не необходим) – то он не предопределен. Одно утверждение несовместимо с другим. Самое же главное здесь – вопиющий субъективизм суждений. Рядовое языковое сознание противится утверждению, будто бы элемент в осинах предопределен, а элемент в селе – нет.

Проверка сравниваемых предложно-падежных форм с помощью процедуры опущения тоже не подтверждает гипотезу В. П. Малащенко. Например: Только синицы: робко позванивают в черных и мокрых осинах ---> Только робко позванивают синицы; ... Дедушка или бабушка купят в селе ...фунта два-три белого хлеба. ---> Дедушка или бабушка купят фунта два-три белого хлеба. Как видим, обе сравниваемые предложно-падежные формы одинаково реагируют на процедуру опущения, и нет оснований одну из них относить к системно обусловленным, а другую – к системно не обусловленным формам.

В качестве другого критерия разграничения слабого управления и "свободного присоединения" выдвигается частотность предложно-падежных форм. Например, рассматривая обстоятельства причины при глаголах состояния, В. П. Малащенко замечает: "... Довольно большая частотность

употребления (? ! Такой плеоназм недопустим даже в речи студентов! – Ю. Ф.), по сравнению с другими обстоятельственными распространителями, причинных распространителей в предложениях состояния позволяет высказать предположение о наличии тенденции к формированию системных связей между глаголами изменения состояния и предложными конструкциями со значением причины" (Малашенко, 1972, с. 135–136). Как провести границу между более регулярными и менее регулярными, более частотными и менее частотными формами, опять-таки остается неизвестным.

По мнению В. П. Малашенко, критерием разграничения "управляемых и неуправляемых словоформ в сфере предложно-падежных форм имени" может служить "функция предлога в оформлении сочетаемости слов" (Малашенко, 1972, с. 33). Если перед нами предлог с "крайне ослабленным лексическим значением" (Малашенко, 1972, с. 36), "формальный", "пустой" предлог (В. В. Виноградов), предлог-посредник, неотделимый от глагола, то в таком случае мы имеем дело с управляемой формой (следить за + полетом); если же перед нами предлог "с ярко выраженным лексическим значением", то в таком случае мы имеем дело не с управляемой, а со "свободно присоединяемой" предложно-падежной формой (из леса).

Отмеченная В. П. Малашенко разница между пустыми и семантически полновесными предлогами действительно имеет место, но она вряд ли достаточна, чтобы на этой базе строить учение о "свободном присоединении", о "детерминантах". Во-первых, "свободно присоединяемыми", "детерминантными" (в понимании В. П. Малашенко) могут быть и падежные формы имени без предлога; во-вторых, "свободно присоединяемыми" формами, по В. П. Малашенко, являются деепричастия и наречия; в-третьих, "свободно присоединяемыми" являются по существу и согласуемые формы.

Кроме того, предлоги с ярким лексическим значением тоже выбираются не "свободно", а в соответствии с семантикой управляющего глагола. Например: успел + благодаря соседу – опоздал из-за транспорта.

В качестве доказательства отнесенности предложно-падежной формы к

предложению в целом используется и ссылка на очевидность. Например: "Конструкцию (с временным значением. – Ю. Ф.) нельзя включать в глагольное словосочетание, поскольку отсутствие ее связи с каким-то определенным глаголом очевидно" (Малашенко, 1972, с. 72)¹ Еще: "На наш взгляд (! – Ю. Ф.), и эти глаголы не имеют системной связи с временными конструкциями: они невалентны по отношению к ним. Скорее всего (! – Ю. Ф.) здесь имеет место проявление синтаксической валентности предикативного центра (но разве предикативный центр имеет свою валентность? – Ю. Ф.). Следовательно (?! – Ю. Ф.), и в данном случае мы имеем дело с самостоятельными распространителями предложения в целом" (Малашенко, 1972, с. 73).

Таким образом, мы убедились, что "свободное присоединение" не имеет ни одного признака, который можно было бы назвать необходимым и достаточным. Это признает и сам В. П. Малашенко. "... Перечисленные особенности, – замечает он, – могут иметь место и в сфере управляемых форм имени..." (Малашенко, 1972, с. 164).

"Свободное присоединение" у В. П. Малашенко с формальной точки зрения охарактеризовано чрезвычайно противоречиво. Сначала утверждается, что формально оно совпадает с предложным управлением (Малашенко, 1972, с. 97); затем его рамки расширяются за счет примыкающих деепричастий и наречий (Малашенко, 1972, с. 169); по-видимому, к "свободно присоединяемым" ("детерминантным") формам В. П. Малашенко относит и беспредложные падежные формы существительных, как это делают другие

¹ Ссылка на очевидность – любимый "аргумент" тех, кто не имеет аргументов. Например: "... Свободное присоединение детерминанта к предложению в целом самоочевидно и не может быть опровергнуто грамматической возможностью прикрепления такого распространителя к отдельному слову" (Шведова Н. Ю. К спорам о детерминантах // Филол. науки. – 1973. – № 5. – с. 69).

сторонники гипотезы "детерминантов". В результате возникает неразрешимое противоречие: с одной стороны, "свободное присоединение" выдается за особый тип подчинительной связи, стоящий в одном ряду с согласованием, управлением и примыканием, с другой стороны, оно оказывается полностью лишенным формальной специфики.

Если же "свободное присоединение" считать понятием чисто содержательным, то его, во-первых, нельзя называть особым типом подчинительной связи, а, во-вторых, оно, по-видимому, дублирует понятие слабой валентности.

"Свободно присоединяемые формы" В. П. Малащенко представляют собой причудливый гибрид "именного примыкания" и "детерминантов" Н. Ю. Шведовой.

Понятия "именного (падежного) примыкания" и "свободного присоединения" явились результатом смешения двух аспектов языка – формального и содержательного. Синтаксическая связь – это понятие формальное, т.е. ориентированное на синтаксическую Форму. Это "формальное выражение синтаксических отношений, определенный тип оформленности" (Прияткина, 1968, с. 40), это "синтаксический прием" (Скобликова, 1971, с. 67). При характеристике типов подчинительной связи следует иметь в виду не семантические претензии опорного слова, а формальные возможности слова зависимого. "... Сильная и слабая связь, с одной стороны, и управление, согласование, примыкание, – с другой, явления разных планов. Понятия сильная и слабая характеризуют связь слов в плане содержания (со стороны необходимости или возможности выражаемого отношения). Понятия управление, согласование, примыкание – в плане выражения (со стороны способа передачи этого отношения)" (Чеснокова, 1970, с. 48). Сильная и слабая валентность, с одной стороны, и управление и примыкание, с другой находятся в отношениях свободного выбора. Иначе говоря, и управляемые, и примыкающие формы могут быть и обязательными, и факультативными, и наоборот: и обязательные,

и факультативные формы могут быть и управляемыми, и примыкающими.

Что касается согласования, то оно, по-видимому, не бывает сильным, т.е. согласуемая позиция является структурно факультативной. Обязательность прилагательного в случаях типа девушка с голубыми глазами, старик с сизым носом объясняется не грамматически, а лексически: слова типа глаза и нос называют не специфические признаки (детали) девушки и старика и поэтому сами по себе не могут формировать несогласованные определения (+ девушка с глазами, старик с носом)¹.

В. П. Малащенко (вслед за Н. Ю. Шведовой) настойчиво проводит мысль о том, что слабоуправляемые предложно-падежные формы с обстоятельственным значением зависят не от одного слова (глагола), а от всего предложения в целом. Но так ли это на самом деле? Легко показать, что нет. Для доказательства воспользуемся процедурой изъятия элементов предложенческой цепи. Например: За курганами отец будет косить сено --→ Отец будет косить за курганами --→ Будут косить за курганами. Как видим, изъятие из фразы элементов сено и отец не приводит к синтаксической изоляции обстоятельственной формы за курганами. Оставаясь "наедине" с глаголом-сказуемым будут косить, предложно-падежная форма за курганами сохраняет свое место в предложении. Изъятие же из фразы глагола приводит к синтаксической изоляции формы за курганами (и к разрушению фразы): ⁺За курганами отец сено. Это доказывает, что обстоятельство за курганами непосредственно грамматически (син-

¹ См. также: Дмитриев, 1966, с. 121; Михневич, 1968, с. 108. Об обязательных согласуемых формах см.: Чеснокова, 1970, с. 41; Скобликова 1971, с. 21–22.

таксически) связано с глаголом-сказуемым¹. В непосредственной же синтаксической связи с существительными отец и сено обстоятельство за курганами не находится.

Очень важно (и в то же время легко) понять, что всякого рода обстоятельственные распространители входят в предложение по "требованию" или "разрешению" только и именно тех слов, семантика которых предполагает соответствующую обстоятельственную характеристику, т.е. чаще всего глаголов.² Таким образом, обстоятельственные формы находятся в непосредственной семантической и синтаксической связи не со всем предложением в целом,³ а с отдельным словом. Если обстоятельственная позиция находится на большем "семантико-синтаксическом" расстоянии "от сказуемого" (Распопов, 1972, с. 59), чем сильноуправляемые объектные позиции, то это не значит, что обстоятельство вообще не относится к глаголу-сказуемому. Зависимость имен существительных в позиции обстоятельств выражается с помощью падежных флексий (и предлогов). Например, существительное за курганами свою зависимость от глагола будет косить выражает с помощью флексии -ами и предлога за. Глагол

¹ В. П. Малащенко и сам во многих случаях видит непосредственную грамматическую зависимость предложно-падежно формы с обстоятельным значением от глагола (например: "Обстоятельства цели могут сочетаться лишь с той предикативной основой, в формировании которой принимают участие глаголы произвольного действия" – с. 83), но продолжает настаивать на своем.

² Странное впечатление производит утверждение В. П. Малащенко, что при глаголах "пространственные распространители не предусмотрены даже в качестве факультативных элементов" (с.118).

³ "Все предложение в целом" не является единицей языка и не имеет собственной валентности.

гол будет косить допускает при себе не любую предложно-падежную форму, а только некоторые. Например: будет косить + за курганами, около курганов, рядом с курганами, но + будет косить + из-за курганов, из-под курганов, в курганах и др. Это значит, что предложно-падежная форма имени существительного мотивируется глаголом косить.

Все сказанное позволяет заключить, что перед нами – стандартный случай слабого управления.

И сильноуправляемая, и слабоуправляемая форма мотивирована семантикой управляющего слова, только в первом случае подчиняющее слово предъявляет подчиненному жесткое требование, а во втором – менее жесткое (нежесткое). При управлении имеет место жесткая или нежесткая детерминация. Сильноуправляемая форма необходима, а слабоуправляемая – возможна. Возможность выступает как частный случай необходимости.

Сам термин "управление" возник на базе случаев сильного управления, но ведь его этимология не должна полностью определять его содержание. "Управлять" падежной формой зависимого слова – это не обязательно "требовать" определенного падежа. "Допускать" при себе определенные падежные формы и "не допускать" других – это тоже "управлять", если считаться с семантикой данного слова в его нетерминологическом значении, на основе которого оно и было использовано в качестве лингвистического термина" (Дмитриев, 1966, с. 121).

Теория "именного примыкания" (и "детерминантов") выросла на почве понимания синтаксического словосочетания как особой языковой (лексико-синтаксической) единицы, выполняющей номинативную функцию, существующей до предложения, вне предложения и выступающей как строительный материал для предложения.

В соответствии с этой посылкой синтаксические связи делятся на словосочетательные и несловосочетательные, на связи докоммуникативного и коммуникативного (предложенческого) уровня.¹ Все традиционные

¹ См.: Грамматика современного русского литературного языка, с. 467, 633; Золотова, 1973, с. 61; Малащенко, 1972, с. 43, 97 и др.

связи слов оказываются за пределами предложения, а на долю последнего остаются или "аналог согласования", "аналог управления" и "соположение" (Грамматика современного русского литературного языка, с. 633), или "сопряжение" (Золотова, 1973, с. 61).

Однако принять эту точку зрения не представляется возможным. Если бы синтаксис имел два уровня, то это бы означало, что говорящий сначала соединяет слова в словосочетания, а уже затем использует эти словосочетания для построения предложения. (Естественно, что в этом случае должны были бы иметь место связи слов в словосочетании и связи словосочетаний в предложении.) Однако ни психолингвистика, ни эксперименты, ни индивидуальный языковой опыт не подтверждают эту гипотезу. Простейшим речевым произведением является не словосочетание, а предложение. Всякая связь слов осуществляется в предложении и только в предложении. В языковой действительности нет и не может быть нескольких синтаксисов. Рассматривая предложение в разных аспектах, мы можем говорить о "синтаксисе простого и сложного предложения", о "синтаксисе словосочетания", о "синтаксисе второстепенных членов", о "синтаксисе обособления" и т.д., но это не значит, что каждому из этих "синтаксисов" соответствует особая языковая единица. Если бы мы сделали такой вывод, то смешали бы гносеологический и онтологический подходы.

Понятия синтаксиса и коммуникации образует органическое единство. Синтаксис не может иметь некоммуникативный уровень. Таким образом, попытку ввести в научный обиход понятие "именного примыкания" следует признать неудавшейся.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое примыкание?
2. Какое содержание вкладывает Н. Ю. Шведова в термин "именное примыкание"?
3. Покажите ложность этого понятия.

О неполноте предложения

Неполноту предложения следует рассматривать с позиций учения о языке и речи. Неполнота предложения – это понятие речи. На уровне языка все предложения полные. Таким образом, следует говорить не о полных и неполных предложениях, а о полных и неполных фразах. Полная и неполная фразы строятся по одной и той же модели. Например: Кошка метнулась под крыльцо – Кошка – под крыльцо. Неполная фраза отличается от полной тем, что в ней одна или несколько синтаксических позиций не реализованы в конкретной лексеме, не представлены словом, т.е. являются нулевыми. Вот схема неполной фразы:
$$\begin{array}{c} П + С_k + Об \\ + - + \end{array}$$
, где вверху – план языка, а внизу – план речи. В анализируемой нами фразе не замещена (является нулевой) позиция сказуемого. Можно сказать, что глагол в ней отсутствует физически, но присутствует семантически и структурно. Таким образом, неполная фраза отличается от полной неполнотой лексической репрезентации грамматической структуры.

Неполнота предложения – это проявление принципа экономии речевых усилий (А. Мартине). Переводя внутреннюю речь во внешнюю, говорящий стремится использовать для выражения содержания минимум языковых форм.

Чем объясняется возможность опущения какой-либо конкретной лексемы на уровне речи, возможность незамещенных, нулевых позиций? Эта возможность объясняется или контекстом, или ситуацией.

"Контекст (от лат. contextus - сцепление, соединение, связь) – I) отрезок речевой цепи, составляющий левое и правое окружение входящей в эту цепь единицы языка" (Рус. яз.: Энци., 1979, с. 114). Границы контекста не могут быть определены математически четко. Контекст может быть узким и широким, минимальным и максимальным; это может быть слово, группа слов, "абзац, цельный смысловой фрагмент, в пределе – весь текст" (Рус. яз.: Энци., 1979, с. 115).

Неполнота фразы, объясняющаяся контекстом, регулярно имеет место в диалоге. Например: – Что, грибы собирала? – Да, грибы (Тург.). В ответной реплике опущен глагол собирала, так как он употреблен в предшествующей фразе – вопросе, и повторять его нежелательно со стилистической точки зрения, с точки зрения экономии речевых усилий.

Контекст может быть внешним и внутренним. Внешний контекст – это предикативная структура, предшествующая данной. Внешний контекст содержит лексему (лексемы), которая (-ые) не повторяется в неполной фразе. Это случаи типа – Что, грибы собирала ? – Да, грибы. "Внутренний контекст – это члены неполного предложения, заполняющие валентность опущенного слова. Это случаи типа Кошка – под крыльцо. Подлежащее кошка со значением активного производителя действия и обстоятельство направления под крыльцо предполагают (предсказывают) наличие в этой фразе глагольного сказуемого со значением типа "бросилась", "метнулась". Значение "бросилась" в фразе присутствует, а соответствующее звучание – нет. Так проявляется в речи принцип экономии речевых усилий.

Неполнота фразы может иметь ситуативную природу, т.е. объясняться общностью ситуации, в которой находятся участники диалога. Например, хозяйка, разливающая чай, спрашивает гостя: Вам крепкий? Ситуация недвусмысленно подсказывает, что в этой фразе опущены лексемы налить и чай. Таким образом, фраза, состоящая из двух слов, включает четыре члена предложения, два из которых – сказуемое и дополнение – являются нулевыми:

$$\begin{array}{ccccccc} \text{Д} & + & \text{Ск} & + & \text{Опт} & + & \text{Д} \\ \text{выми:} & & & & & & ? \\ & + & - & + & - & & \end{array}$$

Неполные фразы, опирающиеся на внутренний контекст, многие грамматисты называют эллиптическими предложениями, рассматривая их особняком от неполных. Более того. Некоторые лингвисты (например, А. Н. Гвоздев, 1958, с. 156) вообще не считают их неполными, с чем трудно согласиться. Разве в фразе Село – за рекой не фигурирует значение "находится"? Так называемые эллиптические предложения – это все-таки

разновидность неполных. Кстати, сомнение вызывает противопоставление терминов эллипсис и неполнота. Ведь эллипсис – это "опущение", т.е. "неполнота"¹.

Эллиптические предложения – это как бы автономное хозяйство, "автаркия". Они находятся "на хозрасчете", "на самоокупаемости". Остальные же неполные предложения невозможны без окружения, которое только и делает их семантически полными.

Неполные фразы являются неполными лишь с точки зрения конкретного лексического состава. Со структурной же и смысловой точек зрения они являются полными.

Нулевой может быть в принципе любая позиция в предложении – позиция подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства. Например: – Вообще с сапогами дело дрянь. Совсем разваливаются (В. Некр.); Вот еще гадко, если мо-золи; Зовут, сажают двух друзей. Сажают прямо против Тани..." (П.); "Я надену это синее" (Федин; о платье).

В неполном предложении может быть несколько нулевых позиций: Только он сел за письмо, как пришел Тарапан: "Ты не разговаривал с полковником?.." – "Несколько слов..." (Эренб.).

Разные структуры имеют предложения типа Они в лесу и Они в ссоре: первое предложение неполное, поскольку в лесу – обстоятельство, подчиненное нулевому сказуемому, второе – полное, так как в ссоре – сказуемое, о чем свидетельствует возможность трансформации: Они в ссоре – Они поссорились.

¹ Эллипсис, читаем мы в "Словаре лингвистических терминов" О. С. Ахмановой, – это "пропуск (выкидка) элемента (члена) высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации (в данном речевом или бытовом контексте); ср. опущение..." (Ахманова, 1966, с. 525); опущение – это "отсутствие какого-л. из членов предложения, воспринимаемое как "нулевое" его выражение; ср. эллипсис" (Ахманова 1966, с. 293).

Лексически незамещенными могут быть только те члены предложения, которые входят в состав темы (данного), но не в состав ремы. Например: Теркин – дальше. Автор – вслед (Твард.); Побег произойдет только через сутки, а дуэль через три часа (Пауст.); Люди получше – любили его, похуже – боялись (М. Г.).

Характеристика явления неполноты предложения (высказывания) в вузовских учебниках и академических грамматиках более чем огорчает.

В "Грамматике русского языка" понятие неполноты предложения фактически снимается.

В "Грамматике современного русского литературного языка" неполные предложения характеризуются как "высказывания, не функционирующие в независимой позиции" (с. 575). "...Любая словоформа, поддержанная интонацией, мимикой, жестом, может стать высказыванием" (с. 576). Что может почерпнуть читатель из этой характеристики?!

А на с. 341-й Н. Ю. Шведова уверяет читателей, что неполные предложения строятся по специальным схемам (? – Ю. Ф.), которые "не предназначены специально для сообщения", допуская сразу три грубые ошибки: во-первых, неполные предложения строятся по тем же схемам, что и полные; во-вторых, нет и не может быть схем, которые "не предназначены для сообщения"; в-третьих, неполнота предложения – явление не структурное, а лексическое.

Развитие идей, изложенных в "Грамматике современного русского литературного языка", мы наблюдаем в "Русской грамматике" (РГ). Неполные предложения отнесены здесь к "самостоятельным синтаксическим структурам" (с. 9). "Русскому языку, – пишет Н. Ю. Шведова, – принадлежит большое количество безглагольных предложений. Существует традиция считать их неполными предложениями с эллиптированным опущенным глаголом. Однако такие безглагольные предложения имеют свои собственные образцы, свою парадигматику, свои правила распространения и сочетаемости с другими конструкциями: они образуют самостоятельные синтаксические

структуры. Понятие "эллипсиса" в "Грамматике" сохранено только для явлений окказиональной недоговоренности" (с. 9). Критикуя "плохую" традиционную грамматику, Н. Ю. Шведова замечает, что в ней "широко применяется понятие "неполноты" предложения" (с. 90), причем термин "неполнота" берет в кавычки. Однако "гони природу в дверь – она влетит в окно". Если на 9-й странице неполные предложения отрицаются, то на 119–120-й – в принципе признаются. Регулярные реализации простого предложения делятся на полные и неполные, различающиеся "заполненностью или незаполненностью места того или иного компонента структурной схемы предложения" (с. 119). Например, предложения Опоздали и В передаче – о героях рассматриваются как неполные реализации двусоставных предложений Ученики опоздали и В передаче рассказывается о героях. О фразе типа Опыт передовиков – в массы говорится как о "безглагольных реализациях глагольных предложений" (с. 421).

В то же время приходится констатировать, что трактовка фактического материала с точки зрения полноты/неполноты предложений в высшей степени противоречива. Так, неполные предложения типа Хлеба!, Врача! (с. 87), Успешной работы! (с. 420) считаются полными, а полные односоставные сказуемостные личные предложения типа Иду, молчите! (с. 134) причислены к неполным. Предложения типа Читаю и Бежит! (с. 248) не разграничиваются и считаются одинаково неполными.

Реплики диалога типа Камфару?, По шприцу? отнесены к относительно независимым высказываниям, непосредственно не опирающимся на грамматические образцы простого предложения" (с. 419).

Неполнота частей сложного предложения (вроде: У него не было тогда иголки, и я дал ему свою с ниткой) трактуется как "неполнота словосочетания" (с. 142).

Не признавая нулевые члены предложения, "РГ" не признает и нулевую связку (с. 98). Нулевую связку "РГ" называет "отсутствием связки"

(с. 312). К "предложениям без спрягаемой формы глагола" (с. 278) в грамматике отнесены: Отец – учитель (с. 278), Ребенок послушный (с. 289), Ребенок послушен (с. 293), Учитель уважаем (с. 297), Отец на работе (с. 300), Задача – учиться (с. 305), Ложь – это непростительно (с. 307), Трудиться – доблесть (с. 309), Кататься весело (с. 315), Можно ехать (с. 321), Приказано наступать (с. 321), Видно следы (с. 325), Наготовлено запасов (с. 328) Много цветов (с. 330), Ни звука (с. 341), Никого знакомых (с. 343), Никакой надежды (с. 345), Некому работать (с. 346), Ему рады (с. 371), Холодно (с. 378), Натоптано (с. 381), хотя они входят в одну парадигму с предложениями, имеющими спрягаемую форму глагола (Отец был учителем, Ребенок был послушным, Ребенок был послушен и т.д.), в предложениях типа Квадрат – равносторонний прямоугольник связка настоящего времени может восстанавливаться (Квадрат есть равносторонний прямоугольник), а в предложениях типа Сомневаться значит искать (с. 312) спрягаемая форма глагола присутствует не только структурно, но и физически, т.е. вообще не требует доказательств!

Как видим, автор синтаксического раздела "РГ", постоянно используя понятия синтаксической парадигмы и неполной реализации простого предложения, отрицает понятие синтаксического нуля, хотя это последнее органически связано с двумя первыми и затекает из них. Отрицание синтаксического нуля можно объяснить только тенденцией ставить знак равенства между явлениями речи и фактами языка.

Нельзя не отметить, что в разделах, "Морфология" и "Словообразование" понятие нуля используется постоянно (хотя, кстати, понятие словообразовательного нуля вызывает большие сомнения, поскольку в словообразовании нет строгих, замкнутых микросистем, характеризующихся "императивной регулярностью" (Тураева, Биренбаум, 1983, с. 53). Как видим, в вопросе о языковом (речевом) нуле авторы "РГ" занимают прямо противоположные позиции.

Вопросы для самопроверки

- I. Что такое неполнота предложения?
2. Назовите типы неполных предложений.
3. Как охарактеризованы неполные предложения в "Русской грамматике"?

Заключение

Автор настоящего учебного пособия стремился ввести читателя в лабораторию научного исследования, показать, как продуцируется и проверяется научное знание. Научное знание имеет две формы – гипотезы и теории. Гипотеза – это предтеория, это предположение, требующее специальной проверки (верификации). Проверка гипотезы может носить эмпирический и внеэмпирический характер. Эмпирическая проверка гипотезы – это проверка фактами. Внеэмпирическая проверка гипотезы – это ее проверка на соответствие общепринятым положениям науки. Если мы, например, примем гипотезу номинативности синтаксического словосочетания, то нам придется утверждать, что всякое высказывание строится явно не из слов, а из словосочетаний, хотя это явно противоречит фактам языка. Если мы примем гипотезу о номинативности и знаковости предложения (высказывания), то нам придется отказаться от общепринятого положения о том, что единицей языка является слово, т.е. полностью пересмотреть современную лингвистику, ее базовые положения.

Мало выдвинуть гипотезу – нужно ее подтвердить. Если гипотеза противоречит фактам языка и постулатам лингвистики, то она должна быть сдана в архив.

Как же представляет себе автор азы современной синтаксической теории?

Объектом синтаксиса, минимальной коммуникативной единицей является предложение. Этот термин употребляется в двух значениях: 1) "структурная, схема, модель, формула минимального речевого сообщения" и 2) "речевая реализация этой формулы, конкретное сообщение". В последние годы конкретное сообщение все чаще называют высказыванием (фразой). Предложение как структурная схема принадлежит языку, высказывание – речи. Предложение абстрактно, высказывание конкретно. Предложение – это инвариант, высказывания – его варианты. Предложение имеет абстрактное грамматическое значение, которое описывают в терминах субъекта, объекта, предиката, атрибута, инструмента, локального, временного и др. определителей, высказывания – конкретный смысл, принадлежащий речи.

Слово (и фразеологический оборот) выполняет номинативную, высказывание – коммуникативную функцию.

Высказывание строится из слов (и фразеологических оборотов). Естественно, что слово входит в высказывание в одном из своих значений и в одной из своих словоформ.

Высказывание нельзя считать номинативным знаком. Это не знак, а свободная комбинация знаков. Высказывание выполняет не номинативную, а коммуникативную функцию.

Высказывание – это минимальное речевое произведение, отражающее весь язык, все его уровни: фонетический, лексический, фразеологический, морфологический, синтаксический и стилистический (а также орфографический и пунктуационный), Высказывание – это коммуникация. Но коммуникация – это не только синтаксис, это весь язык. Главное в коммуникации (как и в языке) – это лексика, а не грамматика. Высказывание должно быть прежде всего объектом лексикологии, лексической синтагматики. Синтаксический аспект в нем является одним из многих. Делать высказывание исключительным объектом синтаксиса было бы неправомерно.

Нет двух особых синтаксисов – предложения и высказывания. Высказывание строится по существующим в языке предложенческим моделям, в соответствии с правилами синтаксиса языка. Если бы мы признали существование двух синтаксисов, то мы оторвали бы речь от языка, сделали бы ее самостоятельной сущностью. Между тем речь – это другое состояние языка (его динамика), это язык в действии.

Синтаксическое словосочетание – это два (или несколько) знаменательных слова, связанных друг с другом по смыслу и грамматически. Оно не выполняет номинативную функцию: номинативную функцию выполняет каждое знаменательное слово само по себе. Оно не обладает признаком воспроизводимости, поскольку не входит в язык, а появляется в речи в процессе построения фразы. Номинативность и воспроизводимость – признаки фразеологического словосочетания. Синтаксическое словосочетание не существует вне предложения (речи), а извлекается из него лингвистом с целью изучения валентности (сочетательного потенциала) слов. Словосочетание – это речевая реализация категориальной (грамматической) и индивидуальной (лексической) валентности слов. В язык входят не словосочетания, а слова, способные сочетаться друг с другом. Переход от понятия словосочетания к понятию валентности означает переход с уровня живого созерцания на уровень абстрактного мышления, с уровня речи на уровень языка. Валентность так относится к словосочетанию, как язык к речи, сущность к явлению, возможность к действительности.

Объектом синтаксиса являются не словосочетания, а валентность частей речи. Поскольку же валентность реализуется только и именно в предложении, то учение о валентности должно целиком входить в синтаксис предложения.

Каждое однозначное слово (само по себе или вместе с предлогом) является членом предложения, его минимальным элементом. Бывают члены предложения, выраженные синтаксически нечленимыми (неразложимыми) словосочетаниями.

Члены предложения делятся на главные и второстепенные. Подвергать сомнению реальность второстепенных членов нет оснований. Главные и второстепенные члены предполагают друг друга и невозможны друг без друга. Если в предложениях есть главные члены, то должны быть (в принципе) и второстепенные. В модель (структуру) предложения следует включать не только главные, но и структурно обязательные второстепенные члены — дополнения (и обстоятельства), удовлетворяющие сильную валентность главного (или второстепенного) члена.

Форма и содержание любого явления представляют собой единство. Единство представляют собой форма и содержание в синтаксисе. Из этого следует, что все факты синтаксиса должны характеризоваться и с точки зрения формы, и с точки зрения содержания (и с точки зрения структуры, и с точки зрения семантики). Структурно-семантический синтаксис, соотносящий субъект с подлежащим, предикат — со сказуемым, объект — с дополнением, атрибут — с определением, сирконстант — с обстоятельством и т.д., правильно отражает реальное положение вещей в языке и поэтому принят на вооружение современной лингвистикой, высшей и средней школой. Попытки отдельных лингвистов разбить синтаксис на конструктивный (структурный, формальный) и т.д. семантический бесперспективны, так как изолированное рассмотрение синтаксической формы и синтаксического содержания практически невозможно. Еще важнее то, что потребитель синтаксической теории нуждается в синтаксисе, рассматривающем форму и содержание в их единстве.

"Семантический синтаксис" (в интерпретации В. А. Белошапковой), опирающийся на предположения о том, что предложение является полным номинативным знаком языка и что его семантика включает в себя не только грамматические, но и лексические значения, противоречит многим важнейшим положениям современной лингвистики, а именно не различает

язык и речь, номинацию и коммуникацию, грамматику и лексику, предложение и высказывание, значение и смысл, грамматические и лексические значения.

Общепринятой является точка зрения, согласно которой сказуемое формально-грамматически подчиняется подлежащему, согласуется с ним. Гипотеза координации (взаимного подчинения) подлежащего и сказуемого расходится с современными представлениями о природе именительного падежа и об управлении. Именительный падеж является независимым падежом субъекта, а не формой управления. Управление обнаруживает себя в формах косвенных падежей.

Подлежащее – это имя предмета, а сказуемое – имя его признака. Как признак предмета зависит от предмета, так и сказуемое зависит от подлежащего. Говорящий сначала определяет предмет, о котором он хочет сделать сообщение, а уже потом принимает решение о том, на какой признак этого предмета он обратит внимание слушающего. Соответственно он сначала выбирает имя предмета, а затем – имя признака. Естественно, что имя признака подчиняется имени предмета.

Идея зависимости сказуемого от подлежащего входит в само понятие (определение) сказуемого.

Согласование используется и для выражения атрибутивных, и для выражения предикативных отношений. Предикативные отношения обычно выражаются в форме согласования (День теплый, Солнце взошло), редко – в формах управления (Яблони в цвету) и примыкания (Ваш приход кстати).

Подлежащее можно называть конструктивно главным, а сказуемое – информативно главным членом предложения.

Предложение (высказывание) представляет собой цепочку слов, последовательно связанных друг с другом. Каждый член предложения связан с одним, двумя или несколькими членами предложения, но не со всем

предложением в целом. Это положение давно уже является аксиомой лингвистики. Однако недавно Н. Ю. Шведова подвергла это положение ревизии. Она утверждает, что некоторые второстепенные ("распространяющие") члены относятся ко всему предложению в целом. Это падежные формы имени, наречия, деепричастия, союзные введения. Обладают ли, однако, эти "распространяющие" члены ("детерминанты") специфическими признаками, которые бы позволяли непринужденно отличать их от "обычных" второстепенных ("распространяющих") членов? Нет, не обладают. Они не отличаются от "обычных" второстепенных членов ни по семантике, ни по грамматическому оформлению, ни по месту в предложении. Относятся они не "ко всему предложению в целом" (предложение не является самостоятельной единицей языка и не имеет собственной валентности), а к тому или иному отдельному слову (члену предложения), удовлетворяя его валентность. О присловном характере наречий и деепричастий говорится в самой "Русской грамматике". Понятие детерминантов находится в непримиримом противоречии с учением о валентности, о членении предложения, о грамматическом и лексическом (смысловом) согласовании. "Детерминанты" – это обычные управляемые и примыкающие второстепенные члены.

Авторы многих учебных пособий упорно повторяют мысль о том, что примыкание "выражается только по смыслу". В этом утверждении содержатся две грубые ошибки. Во-первых, смысл не является формой, способом выражения, грамматическим средством. Он относится не к плану выражения, а к плану содержания. Во-вторых, примыкание имеет грамматическую форму, использует специальные грамматические средства – порядок слов и интонацию.

Неполноту предложения следует рассматривать с позиций учения о языке и речи. Неполнота предложения – это понятие речи. На уровне языка все предложения полные. Таким образом, следует говорить не о

полных и неполных предложениях, а о полных и неполных фразах. Полная и неполная фразы строятся по одной и той же модели. Неполная фраза отличается от полной тем, что в ней одна или несколько синтаксических позиций не реализованы в конкретной лексеме, не представлены словом, т.е. являются нулевыми. О фразах типа Кошка – под крыльцо можно сказать, что глагол в них отсутствует физически, но присутствует семантически и структурно. Таким образом, неполная фраза отличается от полной неполнотой лексической репрезентации грамматической структуры.

Неполные фразы являются неполными лишь с точки зрения конкретного лексического состава. Со смысловой же и структурной точек зрения они являются полными.

Неполнота предложения – это проявление принципа экономии речевых усилий. Переводя внутреннюю речь во внешнюю, говорящий стремится использовать для выражения содержания минимум языковых форм. Использование неполных предложений объясняется также действием стилистического принципа богатства, запрещающего немотивированные повторы.

Возможность опущения в фразе какой-либо лексемы, возможность нулевых позиций объясняется или контекстом (внешним и внутренним), или ситуацией.

Рекомендуемая литература

Адмони В. Г. Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. – Л., 1979. – С. 6–36.

Античные теории языка и стиля. – М.; Л., 1936. – 344 с.

Арутюнова Н. Д. Логические теории значения // Принципы и методы

семантических исследований. – М., 1976. – С. 92–118.

Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание: Внутр. структура языка. – М., 1972. – С. 259–343.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 607 с.

Бабайцева В. В. Лингвистические основы преподавания синтаксиса в школе и вузе // Лингвистические основы преподавания языка. – М., 1983. – С. 200–214.

Бабайцева В. В. Лингвистические основы школьного курса синтаксиса // Рус. яз. в школе. – 1975. – № 5. – С. 13–17.

Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. – М., 1988. – 159 с.

Бабайцева В. В. Теоретические основы школьного и вузовского курса синтаксиса // Проблемы учебника русского языка как иностранного: Синтаксис. – М., 1980. – С. 18–34.

Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д. Русский язык: Теория: Учеб. для 5–9 кл. общеобразоват. учеб. заведений. – 2-е изд. – М., 1993. – 256 с.

Белецкий А. А. Идеализм в понимании знаков и знаковых систем // Язык и идеология. – Киев, 1981. – С. 80–100.

Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1977. – 248 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974. – 447 с.

Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. – М., 1979. – 416 с.

Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. – Минск, 1976. – Т. I. – 319 с.

Булыгина Т. В. Особенности структурной организации языка как знаковой системы и методы ее исследования // Материалы к конференции "Язык: как знаковая система особого рода". – М., 1967. – С. 5-9.

Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. – М., 1844. – Ч. I. – 335 с.

Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. – 2-е изд. – М., 1978. – 439 с.

Вардуль И. Ф. К вопросу о собственно лингвистическом подходе к языку // Материалы к конференции "Язык как знаковая система особого рода". – М., 1967. – С. 9-II.

Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. – М., 1958. – 400 с.

Виноградов В. В. Русский язык: (Граммат. учение о слове). – М.; Л., 1947. – 784 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. – М., 1958. – 133 с.

Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М., 1973. – С. 349-372.

Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: (Общие вопросы). – М., 1977. – С. 230-293.

Гак В. Г. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово) // Материалы к конференции "Язык как знаковая система особого рода". – М., 1967. – С. 14-18.

Гак В. Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. (На материале франц. яз. в сопоставлении с рус.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1968. – 55 с.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. – М., 1981. – 208 с.

Гальперин И. Ф. Относительно употребления терминов "значение", "смысл", "содержание" в лингвистических работах // филол. науки. – 1982. – № 5. – С. 34-43.

Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2. Синтаксис. – М., 1958. – 302 с.

Грамматика русского языка. – М., 1954. – Т.2, ч. 1. – 703 с.

Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. – Н. Ю. Шведова. – М., 1970. – 767 с.

Гулыга Е. В. Сложноподчиненное предложение и денотативный аспект // Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – 1977. – Вып. 112. – с. 51-60.

Дмитриев Б. А. К вопросу об управлении в современном русском языке // Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. – Новосибирск, 1966. – С. 91-123.

Добиаш А. В. Синтаксис Аполлония Дискола. – Киев, 1882.

Засорина Л. Н., Берков В. И. Понятие валентности в языке // Вестник ЛГУ. – 1961. – Вып. 2, № 8. – С. 133-139.

Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. – Изд-во. Моск. ун-та, 1962. – 384 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973. – 351 с.

Ибраев Л. И. Надзнаковость языка // Восп. Языкознания. – 1981. – № 1. – с. 17-35.

Исследование речевого явления в психолингвистике. – М., 1985. – 239 с.

Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопр. Языкознания. – 1987. – № 3.. – С.30-31.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972. 216 с.

Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 5-31.

Колшанский Г. В. Предложение как центральная единица языка // Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – 1975. – Вып. 91. Вопр. ром. – герм. филологии. – С. 141-146.

Комиссаров В. Н. Коммуникативная функция языка и осмысленность слова // Сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т иностр. яз. – 1985. – Вып. 252. – С. 129-138.

Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. – Л., 1975. – 163 с.

Кривченко Е. Л. Номинативный аспект предложения. – Саратов, 1982. – 146 с.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986. – 158 с.

Кубрякова Е. С. Актуальные проблемы современной семантики: Учеб. пособие по курсу общее языкознание. – М., 1984. – 130 с.

Лебедев А. Н. Нейрофизиологические пределы памяти человека и богатства его лексики // Уч. зап. / Тарт. ун-т. – 1986. – Вып. 745. Тр. по лингвостатистике. – № II. – С. 95-108.

Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты из учения лексического материала. – М., 1962. – 296 с.

Лейкина Б. М. Некоторые аспекты характеристики валентностей // Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. – М., 1961. – Вып. 5 (8). – С. I-15.

Лесник М. Д. К вопросу о приглагольном управлении в современном русском языке // К вопросу управления (приглагольного и приименного). – Рига, 1957. – С. 5-34.

Лесник М. Д. О подчинительных связях слов в современном русском языке // Филол. науки. – 1968 – № 4. – С. 61-67.

Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). – М., 1990. – 685 с.

Ломтев Т. П. Принципы построения формулы предложения // Филол. науки. – 1969. – № 5. – С. 56-68.

Лурия Л. Р. Язык и сознание. – М., 1979. – 320 с.

Мартынов В. В. Семиотические методы описания естественных языков // Материалы к конференции "Язык как знаковая система особого рода". – М., 1967. – С. 39-42.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. – М., 1975. – 328 с.

Маслов Ю. С. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? // Язык и мышление. – М., 1967. – С. 284-294.

Матезиус В. О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. – М., 1967. – С. 226-238.

Мельничук А. С. О знаковой природе предложения // Материалы к конференции "Язык как знаковая система особого рода". – М., 1967. – С. 42-45.

Мигирин В. Н. Марксистско-ленинская методология и лингвистика. Эвристические и конструктивные возможности марксистско-ленинской методологии в языкознании. – Кишинев, 1974. – 152 с.

Михневич А. Е. Некоторые вопросы изучения синтаксических (подчинительных) связей слов в работах советских и чехословацких лингвистов // Вопр. языкознания. – 1968. – № 5. – С. 106-112.

Моисеев А. И. Некоторые вопросы теории словосочетания // Филол. науки. – 1977. – № 2. – с. 54-60.

Москальская О. Н. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). – М., 1974. – 156 с.

Мыркин В. Я. Различные толкования соотношения: язык – речь // Иностр. языки в школе. – 1970. – № 1. – С. 28-36.

Мыркин В. Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филол. Науки. – 1978. – № 1. – с. 95-100.

Общее языкознание: Внутр. Структура языка. – М., 1972. – 565 с.

Панов М. В. О парадигматике и синтагматике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1980. – № 2. с. 128-137.

Попов А. С. Подлежащие и сказуемое в структуре простого предложе-

ния современного русского литературного языка: Пособие для спецкурса по рус. яз. для студ. фак-та рус. яз. и лит. пед. ин-тов. – Пермь, 1974. – 116 с.

Прияткина А. Ф. О взаимном отношении видов синтаксической связи // Уч. зап. / Дальневосточ. ун-т. – 1968. – Т. XI (языкознание). – С. 39-46.

Райбекас А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. – Томск, 1977. – 243 с.

Распопов И. П. О так называемых детерминирующих членах предложения // Восп. языкознания. – 1972. – № 6. – С. 55-61.

Распопов И. П. Опорные вопросы синтаксиса. – Изд-во Рост. ун-та, 1981. – 128 с.

Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 2. – 709 с.

Русский язык: Учеб. для 8-го кл. общеобразоват. учеб. завед. / С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, Л. А. Чешко. – 17-е изд., перераб. – М., 1993. – 191 с.

Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – 431 с.

Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. – М., 1971. – 240 с.

Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. – М., 1979. – 236 с.

Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. – М., 1975. – 112 с.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. – М., 1956. – 260 с.

Смирницкий А. И. Объективность существования языка. – М., 1954. – 63 с.

Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. – М., 1957. – 286 с.

Современный русский язык: Учеб. для филос. спец. ун-тов / Под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1989. – 800 с.

Солнцев А. В. Виды номинативных единиц // Вопр. языкознания. – 1987. – № 2. – С. 133-136.

Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. – 2-е изд., доп. – М., 1977. – 341 с.

Степанова М. Д. Вопросы валентности в современном языкознании и части речи: На материале нем.яз. // Лингвистика и методика в высшей школе. – 1978. – Вып. 8. – С. 20-34.

Степанова М. Д. Проблемы теории валентности в современной лингвистике // Иностр. яз. в школе. – 1973. – № 6. – С. 12-22.

Степанова М. Д. Теория валентности и валентный анализ. (На материале соврем. нем. яз.): Учеб. пособие по курсу теорет. грамматики и спецкурсам нем. яз. для студентов... – М., 1973. – 110 с.

Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. – М., 1978. – 260 с.

Страхова В. С. О синтаксической валентности: (Обзор работ советских языковедов) // Тр. / Самарк. ГУ. – 1972. – Вып. 222. – С. 211-222.

Сусов И. П. Предложение как лингвосемиотический феномен // Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – 1977. – Вып. 112. Вопр. ром.-герм. филологии. Синтакс. семантика. – С. 97-107.

Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. пособие / Отв. ред. В. В. Бурлакова. – Л., 1983. – 253 с.

Тер-Минасова С. Г., Гвишиани Н. Б. Можно ли опровергнуть учение о словосочетании? // Филол. науки. – 1977. – № 2. – С. 61-67.

Торопцев И. С. Словопроизводственная модель. – Воронеж, 1980. – 148 с

Тураева З. Я., Биренбаум Я. Г. К вопросу о нулевой морфеме // Филол. науки. – 1983. – № 4. – С. 52-58.

Уфимцева А. А. Основные особенности словесного знака // Материалы к конференции "Язык как знаковая система особого рода". – М., 1967. – С. 80-84.

Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. – М., 1974. – 206 с.

Федоров А. К. Выражение членов предложения синтаксически нечленными словосочетаниями // Уч. зап. / Калинин. пед. ин-т. – 1963. – Т. 30. – С. 3-26.

Федоров А. К. Трудные вопросы синтаксиса. – М., 1972. – 239 с

Филичева Н. И. Глаголы с комплексной валентностью и особенности их функционирования в речи // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – МГУ, 1968. – Вып. 1. – С. 135-144.

Филичева Н. И. Понятие синтаксической валентности в работах зарубежных языковедов // Вопр. языкознания. – 1967. – № 2. – С. 118-125.

Философская энциклопедия. – М., 1962. – Т. 2. – 575 с.

Фоменко Ю. В. Валентность, дистрибуция, словосочетание // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск, 1977. – Вып. 7. – С. 162-165.

Фоменко Ю. В. К вопросу о единице языка // Изв. СО АН СССР. – 1979. № 11. – Обществ. науки. – Вып. 3. – С. 119-125.

Фоменко Ю. В. К спорам о предмете синтаксиса // Предложение в русском языке. Структура. Семантика. Функционирование: Сб. науч. тр. – Омск, 1985. – С. 4-13.

Фоменко Ю. В. О синтаксических значениях // Семантика языковых единиц: Докл. 4-й междунаро. конф.: Ч. III Морфологич. семантика. Синтаксич. семантика. – М., 1994. – С. 158-160.

Фоменко Ю. В. О так называемом именном примыкании // Вопросы структуры и функционирования русского языка: (Темат. межвуз. сб.). – Томск, 1980. – Вып. 3. – С. 110-121.

Фоменко Ю. В. Проблема словосочетания с позиций учения о единицах языка // Изв. / Воронеж. гос. пед. ин-т. – 1976. – Т. 172. Рус. синтаксис. С. 13-16.

Фоменко Ю. В. Синтаксическая концепция "Русской грамматики" (простое предложение). – Новосибирск, 1987. – 17 с. – Рук. деп. в ЮНИОН АН СССР 21.04.87, № 29168.

Фоменко Ю. В. Теория словосочетания в "Грамматике современного русского литературного языка" 1970 г. // Теоретические и методические проблемы грамматики и стилистики русского языка: Докл. и сообщ. межвуз. семинара каф. рус. яз. высш. учеб. зав. Зап. Сибири. Барнаул, 29 сент. – I окт. 1971 г. – Барнаул, 1974. – С. 52-58.

Фоменко Ю. В. Типы синтаксически неразложимых словосочетаний в русском языке // Рус. яз. в школе. – 1981. – № I. – С. 94-99.

Фоменко Ю. В. Учение о слове: Учеб. пособие. – Новосибирск, 1991. – 64 с.

Фоменко Ю. В. Является ли предложение номинативным знаком языка? // Дери́вация и номина́ция в русском языке. Межуров. и внутриуров. взаимодействия: Межвуз. тем. сб. науч. тр. – Омск, 1990₁. – С. 86-99.

Фоменко Ю. В. Является ли словосочетание единицей языка? // Филол. науки. – 1975. – № 6. – С. 60-65.

Фоменко Ю. В. Язык и речь: Учеб. пособие. – Новосибирск, 1990₂. – 77 с.

Черемисина М. И. Сложное предложение как знак языка: (Об отдельных моделях сложного предложения) // Синтаксис алтайских и европейских языков. – Новосибирск, 1981. – С. 3-36.

Чесноков П. В., Чеснокова Л. Д. [Рец.] В. В. Бабайцева. Система членов предложения в современном русском языке. – М., Просвещение, 1989 // Рус. яз. в школе. – 1989. – № 3. – С. 116-120.

Чеснокова Л. Д. К проблеме связи слов в современном русском языке // Филол. науки. – 1970. – № 6. – С. 37-48.

Чеснокова Л. Д. Связи слов в современном русском языке: Пособие для учителей. – М., 1980. – 110 с.

Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопр. языкознания. – 1964. – № 6. – С. 77-93.

Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М., 1976. – 150 с.

Шмелева Т. В. О семантике структурной схемы предложения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1978. – № 4. – С. 354-361.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса "Современный русский язык". – Красноярск, 1988. – 53 с.

Языковая номинация: (Общие вопросы). – М., 1977. – 359 с.

Янкошвили М. В. Механизм языка и порождаемые им свойства речи // Фил. науки. – 1969. – № 6. – С. 94-100.

Условные сокращения

В. Некр. – В. Некрасов

Твард. – А. Твардовский

М. Г. – М. Горький

Тург. – И. С. Тургенев

П. – А. С. Пушкин

Эренб. – И. Эренбург

Пауст. – К. Паустовский

Содержание

Введение.....	3
Об объекте синтаксиса.....	3
Можно ли считать предложение номинативным знаком языка?.....	6
О природе словосочетания	20
Валентность (сочетательный потенциал) слов	32
Типы синтаксически неразложимых словосочетаний	41
О "семантическом синтаксисе"	51
О структурной схеме предложения.....	60
О характере грамматической связи сказуемого с подлежащим.....	60
О второстепенных и "распространяющих" членах предложения. О т. н. "детерминантах"	64
О примыкании	72
О так называемом именном примыкании.....	72
О неполноте предложения.....	86
Заключение	92
Рекомендуемая литература	98

Юрий Викторович Фоменко

Трудные и спорные вопросы синтаксиса современного русского языка

Учебное пособие

Редактор Е. Н. Ряшенцева

Технический редактор О. А. Осинцева

Лицензия ЛР № 020059 от 24. III. 97

Подписано к печати 02. 12. 97. Формат бумаги 60 x 84/16.

Уч. - изд. л. 6,75. Усл. п. л. 6,25. Тираж 300

Заказ №

Педуниверситет, 630126 Новосибирск, 126, Вилуйская, 28.

Новосибирск, Красный проспект, 2, НИПКРО.